
PG
3335
A7
1894

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Дозв. ценз. спб., 15 мая 1894 г. Тип. тов. „Общ. Польза", В. Подъяч., 39

Н. В. Гоголь.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Н. В. ГОГОЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Н. Анненской

Съ портретомъ Гоголя, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

2-е изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Бол. Подъяч., № 39
1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Мая 1894. г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Семья и школа.

Родительскій домъ.—Даровитый отецъ и домовитая мать.—Страсть къ театру въ семьѣ Гоголя.—Лицей князя Безбородко.—Отсутствіе друзей у Гоголя въ школѣ.—«Таинственный Карло».—Ранніе проблески наблюдательности.—Слабая постановка преподаванія въ лицеѣ.—Невѣжественные учителя.—Лѣность Гоголя.—Домашніе спектакли.—Маленькій библіотекарь.—Первые стихотворные опыты Гоголя въ школѣ.—Онъ дѣлается редакторомъ школьнаго журнала.—Мечты о службѣ въ Петербургѣ.—Дружба съ Высоцкимъ.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился 19-го марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сарочицахъ, на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Отецъ его былъ небогатый полтавскій помѣщикъ, и раннее дѣтство Николай Васильевичъ провелъ въ кругу семьи, въ родовомъ имѣніи отца, селѣ Васильевкѣ. Картины природы и быта Малороссіи, которыя впослѣдствіи наполнили живыми образами произведенія Гоголя, окружали его въ первые годы жизни, будили первыя впечатлѣнія его души.

Низенькій ветхій домикъ съ затѣйливыми зубцами вдоль крыши, съ боковыми башенками и остроконечными окнами по угламъ, вокругъ него старый тѣнистый садъ, за садомъ на холмѣ бѣлая одноглавая церковь, у подножія ея село съ маленькими домиками и группами высокихъ деревьевъ—вотъ та обстановка, среди которой росъ и развивался отъ природы мечтательный ребенокъ.

Отецъ его, Василій Аѳанасьевичъ, былъ человѣкъ очень неглупый, необыкновенно остроумный, много видавшій и испытавшій на своемъ вѣку, неистощимый балагуръ и разсказчикъ. Въ Васильевку безпрестанно собирались близкіе и дальніе сосѣди; гостепріимный хозяинъ радушно угощалъ ихъ произведеніями малороссійской кухни и потѣшалъ разсказами, приправленными солью чисто малороссійскаго юмора. Тутъ-то, среди этихъ сосѣдей, нашелъ Николай Васильевичъ прототипы своихъ Аѳанасьевъ Ивановичей, Ивановъ Никифоровичей, Шпонекъ, Голопузѣй и проч., и проч.

Недалеко отъ Васильевки, въ селѣ Кибинцахъ, жилъ въ то время извѣстный Д. П. Трощинскій. Отставной министръ, богатый вельможа, онъ устроился въ своемъ сельскомъ уединеніи на широкую ногу. Его окружалъ цѣлый штатъ всевозможной прислуги, шутовъ, приживальщиковъ, бѣдныхъ родственниковъ. Въ домѣ его собиралось многолюдное общество, безпрестанно давались пиры, празднества, и между прочимъ устроенъ былъ домашній театръ. Василій Аѳанасьевичъ, дальній родственникъ Трощинскаго, былъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Бывшій государственный дѣятель успѣлъ оцѣнить оригинальный умъ и рѣдкій даръ слова сосѣда. Кромѣ того Василій Аѳанасьевичъ, страстный театралъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ постановкѣ спектаклей на его театрѣ. Въ то время только-что появились «Наталка Полтавка» и «Москаль Чаривныкъ» Котляревскаго; пьесы эти восхищали малороссовъ и возбуждали въ нихъ желаніе замѣнить переводы французскихъ и нѣмецкихъ комедій сценами, взятыми изъ родной дѣйствительности. Василій Аѳанасьевичъ написалъ нѣсколько комедій изъ малороссійскаго быта для театра Трощинскаго, самъ дирижировалъ постановкой ихъ и исполнялъ въ нихъ разныя роли. Не знаемъ, присутствовалъ ли маленькій «Никола», какъ звали Николая Васильевича въ семьѣ,—на представленіи этихъ пьесъ въ домѣ богатаго родственника, но во всякомъ случаѣ онъ слышалъ толки и разговоры о нихъ, былъ свидѣтелемъ всей той веселой суеты, которая обыкновенно сопровождаетъ устройство домашнихъ спектаклей, и это зародило въ душѣ его вкусъ къ театру, къ драматическимъ представленіямъ.

Отъ отца Николай Васильевичъ унаслѣдовалъ юморъ, даръ увлекательнаго разсказчика, любовь къ искусству вообще и къ театру въ особенности; мать передала ему горячее религіозное чувство и стремленіе приносить пользу окружающимъ, если нельзя дѣломъ, то хоть совѣтомъ, хоть словомъ утѣшенія и ободренія. Марья Ивановна Гоголь была, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее людей, въ высшей степени симпатичная личность. Послѣ ранняго замужества она почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, сосредоточивъ всѣ свои интересы на тѣсномъ кругѣ семьи и хозяйства. Василій Аѳанасьевичъ умеръ, когда старшій изъ дѣтей, Николай Васильевичъ, еще учился въ лицеѣ, а кромѣ него дома было пять дѣвочекъ; воспитаніе дѣтей и всѣ заботы по хозяйству въ имѣніи лежали исключительно на Марьѣ Ивановнѣ.

«Мало что ѣзжу по хозяйственнымъ дѣламъ и дрожки никогда

не откладываются, а только перемѣняютъ лошадей»,— описывала она свое времяпровожденіе одному родственнику,— «надобно еще смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за дѣтьми маленькими смотрѣть и о большихъ думать». Эти хлопоты не мѣшали ей строго исполнять всѣ религіозные обряды и вести дѣятельную переписку съ родными и знакомыми, а особенно съ сыномъ. Николай Васильевичъ былъ уже въ Петербургѣ и хлопоталъ о поступленіи на государственную службу, а она все еще считала необходимымъ писать ему «нѣсколько строкъ морали», такъ какъ онъ «еще не установился». Во всей перепискѣ Марьи Ивановны безпрестанно высказывается ея смиренная покорность волѣ Провидѣнія, ея искренняя любовь къ окружающимъ, ея практическій, здравый смыслъ, странно соединявшійся съ самымъ наивнымъ незнаніемъ людей и общественныхъ отношеній. Гоголь до конца жизни относился къ матери съ самой нѣжной любовью; она обожала его и гордилась имъ. Его первыя ученическія сочиненія хранились какъ драгоцѣнность въ Васильевкѣ, малѣйшая невзгода его мучительно тревожила мать, она хвастала его литературными успѣхами и въ кругу своихъ знакомыхъ прямо называла его геніемъ. Къ ней, какъ имѣющей «тонкій наблюдательный умъ», обращался Гоголь изъ Петербурга съ просьбой сообщить ему названія разныхъ частей малороссійскихъ костюмовъ, разныя народныя преданья и повѣрья, разные малороссійскіе обряды и обычаи.

Книжное обученіе Николая Васильевича началось довольно рано. Восьми лѣтъ онъ учился грамотѣ у учителя-семинариста, а на слѣдующій годъ отецъ отвезъ его и младшаго брата Ивана въ Полтаву и помѣстилъ ихъ у одного учителя, который долженъ былъ приготовить ихъ къ поступленію въ гимназію. У этого учителя дѣти прожили не долго. Въ слѣдующемъ году, когда ихъ взяли на каникулы домой, маленькій Иванъ заболѣлъ и умеръ, а родителямъ жалко было отправлять къ чужимъ людямъ «Николу», сильно скучавшаго о братѣ, и они оставили его на нѣсколько мѣсяцевъ дома. Въ это время въ Нѣжинѣ открылась «Гимназія Высшихъ Наукъ» или Лицей князя Безбородко, и въ началѣ 1821 г. Василій Аѳанасьевичъ помѣстилъ туда сына.

Гимназія была еще плохо организована, въ ней насчитывалось всего около 50 воспитанниковъ, раздѣленныхъ на 3 отдѣленія; учебный персоналъ былъ не въ полномъ составѣ. Но зато помѣщеніе ея было просторное, въ большихъ классныхъ и спальняхъ много свѣта и воздуха, а вокругъ разстилался густой, тѣнистый

садъ, почти лѣсъ, и протекала тихая рѣчка, полузаросшая камышемъ. Въ этомъ саду дѣти проводили все время, свободное отъ классныхъ уроковъ. Надзоръ за ними былъ очень слабый и имъ предоставлялось самостоятельно развивать свои нравственныя и умственныя силы, безъ руководства старшихъ, исключительно въ кругу товарищей. Многіе проводили все время въ праздности и шалостяхъ, но болѣе даровитыя личности не удовлетворялись ребяческими играми. Въ обширномъ саду имъ было гдѣ уединиться отъ шумныхъ товарищей; въ укромномъ тѣнистомъ уголку они углублялись въ книгу, впервые пробудившую въ нихъ любовь къ мысли и знанію; взгромоздясь на сукъ какого-нибудь стараго дерева, они обдумывали и даже набрасывали на бумагу свои первые опыты литературныхъ произведеній.

Когда Гоголя привезли въ лицей, это былъ худенькій, болѣзненный 12-ти-лѣтній мальчикъ; лицо его поражало прозрачной блѣдностью, вслѣдствіе золотухи у него была частая течь изъ ушей. Онъ дичился новыхъ товарищей, устранялся отъ ихъ шумныхъ игръ. Такого рода новички обыкновенно не нравятся школьникамъ, и Гоголь долго былъ жертвою ихъ насмѣшекъ и разныхъ продѣлокъ. Чтобы «Николѣ» было не такъ жутко среди чужихъ, родители отправили съ нимъ вмѣстѣ своего крѣпостного лакея, Симона, который долженъ былъ исполнять роль слуги въ пансіонѣ при гимназіи, а главное—ухаживать за «барченкомъ». Первое время Гоголь сильно скучалъ по семьѣ и родномъ домѣ; тоска эта особенно усиливалась вечеромъ, когда онъ ложился въ постель. Часто Симонъ просиживалъ надъ нимъ цѣлыя ночи, утѣшая его, уговаривая не плакать.

Мало-по-малу мальчикъ привыкъ къ школьной жизни, пересталъ чуждаться товарищей, съ одними изъ нихъ сблизился, на насмѣшки другихъ отвѣчалъ такими мѣткими и ѣдкими сарказмами, что шутникамъ приходилось прикусить языки. Гоголь никогда не былъ рѣзвымъ шалуномъ. Слабый и тихій отъ природы, онъ не принималъ участія не только въ буйныхъ шалостяхъ мальчиковъ, но даже въ играхъ, требовавшихъ напряженія физическихъ силъ; одурачить учителя, запустить гусара въ носъ сонному товарищу, снабдить кого-нибудь мѣткимъ прозвищемъ—это было по его части. Одного лицеиста, часто нападавшаго на него, онъ прозвалъ за коротко остриженные волоса: «Разстригою Спиридономъ», и вотъ вечеромъ, въ день именинъ его, онъ уставилъ въ гимназическомъ залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія съ изобра-

женіемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище дервишей всѣхъ
И... строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй.

Одинъ разъ, чтобы избѣжать наказанія, Гоголь такъ ловко прикинулся сумасшедшимъ, что обманулъ и перепугалъ все гимназическое начальство.

Ни учителя, ни товарищи не считали Гоголя талантливымъ, многообѣщавшимъ мальчикомъ. Его съ раннихъ лѣтъ проявлявшаяся тонкая наблюдательность не обращала на себя ихъ вниманія; его способность не только подмѣчать всѣ характеристическія черты наружности и обращенія окружающихъ, но и поразительно вѣрно передавать ихъ забавляла мальчиковъ, а взрослымъ представлялась просто шутовствомъ, глупымъ передразниваньемъ.

Настоящихъ друзей у Гоголя никогда не было. Съ самаго дѣтства въ немъ не замѣчалось простодушной откровенности и сообщительности; всегда былъ онъ какъ-то странно скрытенъ, всегда въ душѣ его оставались уголки, куда не смѣлъ заглядывать ничей глазъ. Часто даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ онъ говорилъ не спроста, облекая ихъ какой-то таинственностью или скрывая свою настоящую мысль подъ маской шутки, балагурства. Со свойственной дѣтямъ проницательностью, лицеисты скоро подмѣтили эту черту въ характерѣ Гоголя и долго носилъ онъ у нихъ прозваніе «таинственный Карло». Изъ общей массы школьниковъ онъ выдѣлялъ трехъ, четырехъ (Г. Высоцкій. А. Данилевскій, Н. Прокоповичъ), съ которыми былъ дружнѣе, чѣмъ съ остальными, которымъ иногда повѣрялъ свои дѣтскія затѣи, свои юношескія мечты и думы.

Свыкшись съ лицейской жизнью, войдя въ ея интересы, Гоголь не переставалъ рваться душой домой, въ кругъ семьи, въ свою родную Васильевку. Поѣздки въ деревню на каникулы были во все время школьной жизни истиннымъ праздникомъ для него. Обыкновенно за нимъ и его двумя товарищами, сосѣдями по имѣнію, присылали помѣстительный экипажъ; мальчиковъ снабжали разной домашней провизіей, и они отправлялись въ путь на дол-

гихъ съ крѣпостнымъ кучеромъ и лакеемъ. Дня три тянулось путешествіе, во время котораго они могли шалить и проказить сколько угодно, а Гоголь кромѣ того изощрялъ свою наблюдательность на всѣхъ встрѣчныхъ предметахъ. Всякое зданіе, всякій прохожій—все возбуждало его дѣтское любопытство, заставляло работать его воображеніе. «Уѣздный чиновникъ пройди мимо»,—вспоминаетъ онъ въ «Мертвыхъ Душахъ» (т. I, гл. II), – «я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ-ли къ какому-нибудь своему брату или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ уже послѣ супа сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока раздадутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, съ своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшей сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.»

* * *

Научное преподаваніе въ лицеѣ было поставлено весьма слабо. По количеству преподаваемыхъ предметовъ программа была широка и разностороння. Въ нее входили, кромѣ закона Божія, русскаго языка, математики, физики, исторіи и географіи, еще: нравственная философія и логика, римское право, русское гражданское и уголовное право, государственное хозяйство, начало химіи, естественная исторія, технологія, военныя науки, языки: латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка, пѣніе, танцы, фехтованіе. Изъ одного этого перечня предметовъ,

которые ученики должны были усвоить себѣ втеченіи семи лѣтъ, видно, что объ основательномъ прохожденіи курса не могло быть и рѣчи. Къ этому надобно прибавить, что большинство преподавателей не удовлетворяли самымъ скромнымъ педагогическимъ требованіямъ. Классный журналъ, въ которомъ записывались проступки учениковъ, поражаетъ своей безграмотностью; учитель русской словесности, Никольскій, не признавалъ поэтовъ послѣ Державина и Хераскова; Пушкина онъ глубоко презиралъ, хотя никогда не читалъ. Одинъ изъ учениковъ представилъ ему подъ видомъ собственнаго сочиненія отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина», и онъ не заподозрилъ обмана. Школьная дисциплина, даже просто порядокъ очень слабо поддерживались въ заведеніи. Директоръ лицея И. С. Орлай, вообще человѣкъ мягкій, склонный смотрѣть сквозь пальцы на недостатки своихъ воспитанниковъ, особенно снисходительно относился къ Гоголю, съ родителями котораго былъ сосѣдомъ по имѣнію и познакомился въ домѣ Трощинскаго.

Такъ, Гоголь часто во время урока выходилъ изъ класса и спокойно прогуливался по корридорамъ. Завидя издали директора, который очень не любилъ подобные проступки, онъ не прятался, какъ другіе воспитанники, а употреблялъ иного рода уловку. Онъ прямо подходитъ къ И. С. Орлаю и говоритъ ему: «Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо Она поручила засвидѣтельствовать вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію все идетъ очень хорошо». — «Душевно благодарю, — отвѣчалъ обыкновенно директоръ,—будете писать матушкѣ, не забудьте поклониться ей отъ меня и поблагодарить ее».

Гоголь могъ безпрепятственно лѣниться и дѣйствительно лѣнился, не обращая вниманія на такія мелкія непріятности, какъ плохая отмѣтка въ журналѣ, наказаніе безъ обѣда или безъ чая, стояніе въ углу за дурно отвѣченный урокъ. Способности у него были хорошія: наскоро проглядѣвъ предыдущую лекцію, онъ почти всегда могъ довольно удовлетворительно передать ее, а засѣвъ за книги въ послѣдній мѣсяцъ передъ экзаменомъ, успѣвалъ приготовиться на столько, что безпрепятственно переходилъ въ слѣдующій классъ. Изъ всѣхъ предметовъ преподаванія однимъ только рисованьемъ Гоголь занимался усердно. Онъ охотно слушалъ теоретическія разсужденія объ искусствѣ своего учителя Павлова, человѣка преданнаго дѣлу, и самъ много рисовалъ и карандашемъ, и красками.

Вообще же занятіе науками или тѣмъ, что̀ читалось въ классѣ подъ именемъ науки, привлекало очень немногихъ лицеистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ проводили время въ шалостяхъ, даже кутежахъ, производившихъ въ городѣ скандалы; другіе придумали себѣ болѣе благородное развлеченіе — устройство домашнихъ спектаклей. Иниціаторомъ этихъ спектаклей былъ по всей вѣроятности Гоголь, который, возвратясь послѣ каникулъ въ училище, съ увлеченіемъ разсказывалъ о домашнемъ театрѣ Трощинскаго и привезъ пьесы на малороссійскомъ языкѣ. Въ первыхъ представленіяхъ участвовали немногіе воспитанники; они играли въ классѣ безъ подходящихъ постановокъ и декорацій, безъ занавѣса, взамѣнъ котораго просто разставляли классныя доски. Но мало по малу страсть къ театру распространилась среди лицеистовъ. Они сложились, устроили себѣ костюмы и кулисы. Въ январѣ 1824 г. Гоголь пишетъ отцу:

.... «Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, какъ-то: «Бѣдность и Благородство души», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ», и ежели какихъ можно прислать другихъ, за что я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлости. Также, ежели можете, то пришлите мнѣ полотна и другихъ пособій для театра. Первая пьеса у насъ будетъ представлена «Эдипъ въ Аѳинахъ», трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папенька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нужныя пособія, такъ если можно прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ, сколько можно, даже хоть одинъ, получше ежели бы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Когда же я сыграю свою роль, о томъ я васъ извѣщу».

Начальство гимназіи покровительствовало этой затѣѣ воспитанниковъ, находя, что она отвлекаетъ ихъ отъ вредныхъ шалостей и служитъ къ развитію ихъ эстетическаго вкуса. И. С. Орлай вздумалъ воспользоваться ею, чтобы побудить лицеистовъ прилежнѣе заниматься иностранными языками, и требовалъ, чтобы они время отъ времени ставили у себя на театрѣ французскія пьесы. Они согласились, но предпочитали представленія на русскомъ языкѣ. Мало по малу театръ въ лицеѣ такъ усовершенствовался, что на него стали приглашать и городскую публику.

Въ февралѣ 1827 года Гоголь пишетъ матери: «Масляницу всю недѣлю мы провели такъ, что желаю всякому ее провесть, какъ мы: всю недѣлю веселились безъ устали. Четыре дня сряду

былъ у насъ театръ, и къ чести нашей признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, и все пріѣзжіе, и всѣ съ отличнымъ вкусомъ».

Лучшими актерами въ этомъ лицейскомъ театрѣ считались Гоголь и Кукольникъ, будущій авторъ пьесы «Рука Всевышняго отечество спасла». Гоголь возбуждалъ общій восторгъ въ комическихъ роляхъ, Кукольникъ—въ трагическихъ. Женскія роли исполнялись также лицеистами. Роль Простаковой изъ «Недоросля» была одной изъ лучшихъ въ репертуарѣ Гоголя; пріятель его Данилевскій, хорошенькій, граціозный мальчикъ, изображалъ Моину, Антигону и вообще всякихъ нѣжныхъ красавицъ.

Кромѣ театра, Гоголь сталъ рано увлекаться и чтеніемъ. Онъ доставалъ книги отъ своего отца, отъ учителей, изъ библіотеки Трощинскаго, тратилъ на нихъ значительную часть своихъ карманныхъ денегъ и въ складчину съ нѣсколькими товарищами выписывалъ сочиненія Жуковскаго и Пушкина, «Сѣверные цвѣты» Дельвига и другіе журналы и альманахи. «Евгеній Онѣгинъ», выходившій тогда по частямъ и считавшійся до нѣкоторой степени запретнымъ плодомъ, приводилъ въ восторгъ юныхъ лицеистовъ. Гоголь выбранъ былъ хранителемъ книгъ, выписываемыхъ въ складчину. Онъ выдавалъ ихъ для чтенія, строго наблюдая очередь; получившій книгу долженъ былъ съ нею усѣсться чинно на опредѣленное мѣсто и не вставать съ него, пока не возвратитъ. Мало того, такъ какъ руки читателей рѣдко отличались чистотой, то библіотекарь, прежде чѣмъ выдать книгу, завертывалъ каждому бумажкой большіе и указательные пальцы.

Увлекаясь чтеніемъ, лицеисты и сами пробовали писать. Первые литературные опыты Гоголя были написаны въ стихотворной формѣ.

Въ одномъ изъ младшихъ классовъ гимназіи онъ читалъ своему товарищу Прокоповичу балладу «Двѣ рыбки», въ которой изобразилъ себя и своего рано-умершаго брата. Позднѣе онъ написалъ пятистопными ямбами цѣлую трагедію: «Разбойники». Но главное содержаніе его стихотвореній было сатирическое: онъ осмѣивалъ въ нихъ не только товарищей и учителей, но и другихъ обывателей города. Одинъ изъ школьныхъ пріятелей Гоголя имѣлъ въ рукахъ довольно объемистую сатиру его на жителей Нѣжина: «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ». Въ ней

изображались типическія лица разныхъ сословій при торжественныхъ случаяхъ и раздѣлялась она на слѣдующія главы: 1) Освященіе церкви на Греческомъ кладбищѣ. 2) Выборъ въ городской магистратъ. 3) Всеѣдная ярмарка. 4) Обѣдъ у Предводителя Дворянства. 5) Роспускъ и съѣздъ студентовъ.

Гоголь не придавалъ никакого значенія всѣмъ этимъ шуточнымъ стихотвореніямъ, считалъ ихъ простой забавой; онъ и всѣ его товарищи находили, что настоящія сочиненія должны касаться предметовъ серьезныхъ и быть написаны торжественнымъ, высокимъ слогомъ. Примѣръ «Вѣстника Европы» Карамзина, книжки котораго Гоголь получалъ отъ отца, соблазнилъ лицеистовъ, и они рѣшили издавать свой собственный журналъ. Гоголь былъ выбранъ редакторомъ этого журнала, носившаго заглавіе «Звѣзда». Мальчикамъ хотѣлось придать своему изданію видъ печатныхъ книгъ, и Гоголь просиживалъ цѣлыя ночи, разрисовывая заглавные листы. Сотрудники держали статьи свои въ величайшей тайнѣ отъ прочихъ товарищей, и они знакомились съ ними только 1-го числа, когда вся книжка была готова, «выходила въ свѣтъ». Гоголь, и тогда уже отличавшійся умѣньемъ очень хорошо читать, часто громко прочитывалъ всему классу свои и чужія произведенія. Онъ помѣстилъ въ «Звѣздѣ» нѣсколько своихъ стихотвореній и большую повѣсть: «Братья Твердиславичи», подражаніе повѣстямъ Марлинскаго. Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ полудѣтскихъ произведеній Гоголя не уцѣлѣло, и о самой «Звѣздѣ», издававшейся не долго, сохранилось у бывшихъ лицеистовъ очень смутное воспоминаніе. Одно только помнятъ они, что всѣ статьи ихъ журнала были написаны самымъ напыщеннымъ слогомъ и преисполнены риторики; только такой родъ писанія считали они дѣломъ серьезнымъ, настоящей литературой.

Подобный взглядъ ясно виденъ и въ перепискѣ Гоголя за время его ученичества. Въ письмахъ къ товарищамъ, даже иногда къ дядѣ, онъ шутитъ, балагуритъ, вставляетъ крѣпкія словечки и просто-народныя выраженія. Ничего подобнаго не видимъ мы въ его письмахъ къ матери, на которыя онъ очевидно смотрѣлъ, какъ на дѣло серьезное. Всѣ они «сочинены» въ благородно-возвышенномъ тонѣ, всѣ переполнены напыщенными фразами. Даже при извѣстіи о смерти отца, сильно поразившей его, онъ не можетъ выражать свои чувства просто, безъ риторическихъ прикрасъ и преувеличеній! «Не безпокойтесь, дражайшая маменька,— пишетъ 16-тилѣтній мальчикъ,—я сей ударъ перенесъ съ твердостью

истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою. Но Богъ удержалъ меня отъ сего, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему. Благославляю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія моей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что̀ бы меня привязывало къ жизни? Развѣ я не имѣю еще чувствительнѣйшей, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего? Что есть милѣе? Что есть драгоцѣннѣе?»

Мысль о томъ, что̀ дѣлать, какъ устроить свою жизнь по выходѣ изъ лицея, рано стала занимать Гоголя. Литературнымъ попыткамъ своимъ онъ не придавалъ никакого значенія и никогда не мечталъ быть писателемъ. Ему казалось, что, только состоя на службѣ государственной, человѣкъ можетъ приносить пользу ближнимъ и отечеству. Вотъ что онъ писалъ въ октябрѣ 1827 г. дядѣ своему по матери, П. П. Косяровскому:

«Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ желаніемъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ имени своего ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи, я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага».

И въ этомъ письмѣ, какъ во всѣхъ «серьезныхъ» письмахъ Гоголя того времени, есть много преувеличеній и въ то же время много дѣтскаго незнанія жизни, но оно ясно показываетъ, какія мечты, какія стремленія наполняли душу юноши. Повѣреннымъ этихъ стремленій былъ товарищъ Гоголя по лицею, ученикъ старшаго класса Г. Высоцкій. Изъ всѣхъ лицеистовъ Гоголь былъ, кажется, всего дружнѣе съ нимъ. «Насъ сроднила глупость людская»,—говоритъ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ. Дѣйствительно, Высоцкій отличался, подобно своему младшему товарищу, способностью подмѣчать смѣшныя или пошлыя стороны въ характерахъ окружающихъ людей и зло подсмѣиваться надъ ними. Въ лазаретѣ, гдѣ онъ часто сидѣлъ вслѣдствіе болѣзни глазъ, вокругъ постели его собирался цѣлый клубъ, въ которомъ сочинялись мѣткія прозвища для всѣхъ живущихъ въ лицеѣ, разсказывались разные забавные анекдоты, передавались съ комической стороны лицейскія и городскія происшествія. Вѣроятно отчасти подъ его вліяніемъ Гоголь сталъ вполнѣ отрицательно относиться не только ко всему гимназическому начальству, начиная съ директора, котораго раньше очень хвалилъ, но и къ другимъ лицамъ, внушавшимъ ему въ дѣтствѣ благоговѣйное почтеніе, какъ напр. къ Трощинскому. Съ Высоцкимъ же вмѣстѣ мечтали они тотчасъ по окончаніи курса ѣхать въ Петербургъ, поступить на государственную службу, сдѣлаться полезными членами общества, а для себя пріобрѣсти славу и общее уваженіе. Высоцкій кончилъ курсъ двумя годами раньше Гоголя и дѣйствительно уѣхалъ въ Петербургъ въ 1826 г.

Послѣ его отъѣзда Гоголь сталъ еще болѣе прежняго стремиться покинуть надоѣвшій ему Нѣжинъ, со всѣми населяющими его «существователями», которые «задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка». Петербургъ представлялся ему какимъ-то волшебнымъ краемъ, съ одной стороны открывающимъ поле для широкой всесторонней дѣятельности, съ другой—представляющимъ возможность наслаждаться всѣми дарами искусства, всѣми благами умственной жизни.

«Ты уже на мѣстѣ, — пишетъ онъ товарищу въ началѣ 1827 г.,—уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ, а я?... зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастье? зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ, и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей

обители, и я весь нетерпѣніе. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнію, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ»...

Убѣдясь на опытѣ, что петербургская дѣйствительность мало соотвѣтствовала ихъ юношескимъ мечтамъ, Высоцкій старался разочаровать товарища и представить ему тѣ трудности и непріятности, какія встрѣтятъ его въ столицѣ, но на Гоголя эти предостереженія производили мало впечатлѣнія.

«Ты ужаснулъ меня чудовищами разныхъ препятствій,—пишетъ онъ въ 1827 г.,—но они безсильны, или—странное свойство человѣка!—чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того чтобы остановить меня они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе».

Очевидно, неопытный юноша весьма смутно представлялъ себѣ «чудовища» мелкихъ непріятностей, дрязгъ, уколовъ самолюбія, неудачъ, сопровождающихъ первые шаги на практической жизни. Прося мать выслать ему денегъ на покупку необходимыхъ для занятій книгъ, онъ самоувѣренно заявляетъ, что всѣ траты на его образованіе вернутся ей «утроенными съ большими процентами, что ему придется просить у нея нѣкотораго вспоможенія развѣ въ первые два, три года петербургской жизни, а тамъ онъ и самъ прочно устроится и будетъ имѣть возможность перевезти ее къ себѣ, чтобы она была его «ангеломъ хранителемъ».

Разсчитывая на успѣхъ въ Петербургѣ, онъ упрашиваетъ и мать, и дядю устроить такъ, чтобы его часть имѣнія перешла къ матери и она была-бы самостоятельно обезпечена въ матеріальномъ отношеніи.

Отъ этихъ мечтаній о счастливой петербургской жизни Гоголю приходилось отрываться и засаживаться за учебники. Выпускной экзаменъ приближался, надобно было отдать отчетъ въ тѣхъ знаніяхъ, какія были пріобрѣтены за 6-тилѣтнее пребываніе въ лицеѣ, а юноша съ ужасомъ видѣлъ, какъ ничтожны эти знанія: по математикѣ онъ былъ очень слабъ; изъ иностранныхъ языковъ могъ съ грѣхомъ пополамъ понимать только легкія французскія книги, по латыни въ три года выучился переводить только первый параграфъ христоматіи Кашанскаго; изъ нѣмецкаго пробовалъ съ помощью словаря читать Шиллера, но этотъ трудъ оказался ему не подъ силу; даже по-русски онъ писалъ далеко не правильно и въ орѳографическомъ, и въ стилистическомъ отноше-

ніи.—«Я теперь совершенный затворникъ въ своихъ занятіяхъ»,—сообщаетъ онъ матери въ концѣ 1827 года.—«Цѣлый день съ утра до вечера ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій. О потерянномъ времени жалѣть нечего; нужно стараться вознаградить его; и въ короткіе эти полгода я хочу произвесть и произведу вдвое больше, нежели во все время моего здѣсь пребыванія»...

Трудно себѣ представить, чтобы въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ Гоголю удалось въ значительной степени пополнить пробѣлы своего образованія. Во всякомъ случаѣ въ іюнѣ 1828 г. онъ выдержалъ выпускной экзаменъ и могъ осуществить свою мечту—ѣхать въ Петербургъ. Какія-то семейныя дѣла задержали его до конца года въ деревнѣ, и только въ декабрѣ онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ и сосѣдомъ по имѣнію А. Данилевскимъ усѣлся въ кибитку и двинулся въ дальній путь.

II.

Пріѣздъ Гоголя въ Петербургъ и начало его литературной извѣстности.

Разочарованіе и неудачи.—Экспромптомъ въ Любекъ.—Поступленіе на службу и отставка.—Первые успѣхи на литературномъ поприщѣ.—«Вечера на хуторѣ»—Знакомство съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и Карамзинымъ.—Въ кругу нѣжинскихъ товарищей.—«Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Женитьба», «Ревизоръ».—Гоголь въ роли неудачнаго адъюнкта по каѳедрѣ исторіи.—Тяготѣніе къ литературѣ.—Бѣлинскій предсказываетъ Гоголю славную будущность.—«Ревизоръ» ставится на сцену по личному желанію Императора Николая I.

Сильно волновались молодые люди, подъѣзжая къ столицѣ. Они, какъ дѣти, безпрестанно высовывались изъ экипажа посмотрѣть—не видны ли огни Петербурга. Когда наконецъ замелькали вдали эти огни, ихъ любопытство и нетерпѣніе достигли высшей степени. Гоголь даже отморозилъ себѣ носъ и схватилъ насморкъ, безпрестанно выскакивая изъ экипажа, чтобы лучше насладиться вожделѣннымъ зрѣлищемъ. Остановились они вмѣстѣ, въ меблированныхъ комнатахъ, и сразу должны были познакомиться съ разными практическими хлопотами и мелкими непріятностями, встрѣчающими неопытныхъ провинціаловъ при первомъ появленіи ихъ въ столицѣ. Эти дрязги и мелочи обыденной жизни удручающимъ образомъ подѣйствовали на Гоголя. Въ его мечтахъ

Петербургъ былъ волшебною страною, гдѣ люди наслаждаются всѣми матеріальными и духовными благами, гдѣ они дѣлаютъ великія дѣла, ведутъ великую борьбу со зломъ—и вдругъ, вмѣсто всего этого, грязная, неуютная меблированная комната, заботы о томъ, какъ бы подешевле пообѣдать, тревога при видѣ, какъ быстро опустошается кошелекъ, казавшійся въ Нѣжинѣ неистощимымъ! Дѣло пошло еще хуже, когда онъ началъ хлопотать объ осуществленіи своей завѣтной мечты,—о поступленіи на государственную службу. Онъ привезъ съ собой нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и конечно былъ увѣренъ, что они немедленно откроютъ ему пути къ полезной и славной дѣятельности; но—увы!—тутъ снова ждало его горькое разочарованіе. «Покровители» или сухо принимали молодого, неловкаго провинціала и ограничивались одними обѣщаніями, или предлагали ему самыя скромныя мѣста на низшихъ ступеняхъ бюрократической іерархіи,—мѣста, которыя ни мало не соотвѣтствовали его горделивымъ замысламъ. Онъ попробовалъ было вступить на литературное поприще, написалъ стихотвореніе «Италія» и послалъ его подъ чужимъ именемъ въ редакцію «Сына Отечества». Стихотвореніе это, весьма посредственное и по содержанію, и по мысли, написанное въ романтически-напыщенномъ тонѣ, было однако напечатано. Этотъ успѣхъ приободрилъ молодого автора, и онъ рѣшилъ издать свою поэму «Гансъ Кюхельгартенъ» (подражаніе «Луизѣ» Фосса), задуманную и по всей вѣроятности даже написанную имъ еще въ гимназіи. Втайнѣ отъ самыхъ близкихъ друзей своихъ, скрываясь подъ псевдонимомъ В. Алова, напечаталъ онъ свое первое большое литературное произведеніе (71 страница въ 12-ю долю листа), роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на коммиссію и съ замираніемъ сердца ждалъ приговора о немъ публики. Увы! знакомые или совсѣмъ ничего не говорили о «Гансѣ», или отзывались о немъ равнодушно, а въ «Московскомъ Телеграфѣ» появилась коротенькая, но ѣдкая замѣтка Полевого, что идилію г. Алова всего лучше было бы навсегда оставить подъ спудомъ. Этотъ первый неблагосклонный отзывъ критики взволновалъ Гоголя до глубины души.

Онъ бросился по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ всѣ экземпляры своей идиліи и тайно сжегъ ихъ.

Еще одна попытка добиться славы, сдѣланная Гоголемъ въ это же время, привела къ такимъ же печальнымъ результатамъ.

*

Вспомнивъ свои успѣхи на сценѣ Нѣжинскаго театра, онъ вздумалъ поступить въ актеры. Тогдашній директоръ театра, князь Гагаринъ, поручилъ чиновнику своему Храповницкому испытать его. Храповницкій, поклонникъ напыщенной декламаціи, нашелъ, что онъ читаетъ слишкомъ просто, мало выразительно и можетъ быть принятъ развѣ на «выходныя роли».

Эта новая неудача окончательно разстроила Гоголя. Перемѣна климата и матеріальныя лишенія, какія ему приходилось испытывать послѣ правильной жизни въ Малороссіи, повліяли на его отъ природы слабое здоровье, при этомъ всѣ непріятности и разочарованія чувствовались еще сильнѣе; кромѣ того въ одномъ письмѣ къ матери онъ упоминаетъ, что безнадежно и страстно влюбился въ какую-то красавицу. недосягаемую для него по своему общественному положенію. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Петербургъ опротивѣлъ ему, ему захотѣлось скрыться, убѣжать, но куда? Вернуться домой, въ Малороссію, ничего не добившись, ничего не сдѣлавъ, это было немыслимо для самолюбиваго юноши. Еще въ Нѣжинѣ онъ мечталъ о заграничной поѣздкѣ и вотъ, воспользовавшись тѣмъ, что небольшая сумма денегъ матери попала ему въ руки, онъ, не долго думая, сѣлъ на корабль и отправился въ Любекъ.

Судя по его письмамъ этого времени, онъ не связывалъ съ этой поѣздкой никакихъ плановъ, не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли, развѣ полечиться немного морскими купаньями; онъ просто въ юношескомъ нетерпѣніи бѣжалъ отъ непріятностей петербургской жизни. Вскорѣ однако письма матери и собственное благоразуміе заставили его одуматься, и послѣ двухмѣсячнаго отсутствія онъ вернулся въ Петербургъ, стыдясь своей мальчишеской выходки и въ то-же время рѣшившись мужественно продолжать борьбу за существованіе.

Въ началѣ слѣдующаго 1830 г счастье наконецъ улыбнулось ему. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина появилась его повѣсть: «Басаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», а вскорѣ послѣ того онъ получилъ скромное мѣсто помощника столоначальника въ департаментѣ удѣловъ. Давнишнее желаніе его приносить пользу обществу, состоя на государственной службѣ, исполнилось, но какая разница между мечтой и дѣйствительностью! Вмѣсто того чтобы благодѣтельствовать цѣлому государству, всюду распространять правду и добро, искоренять ложь и злоупотребленія, скромному помощнику столоначальника прихо-

дилось переписывать да подшивать скучныя бумаги о разныхъ мелкихъ, вовсе не интересовавшихъ его дѣлахъ. Понятно, служба очень скоро надоѣла ему, онъ сталъ небрежно относиться къ ней, часто не являлся въ должность. Не прошло и года, какъ ему предложено было выйти въ отставку, на что онъ съ радостью согласился: въ это время литературныя работы поглощали всѣ его мысли. Втеченіи 1830 и 31-го годовъ въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ появилось нѣсколько его статей, почти всѣ еще безъ подписи автора: «Учитель», «Успѣхъ посольства», отрывокъ изъ романа «Гетманъ», «Нѣсколько мыслей о преподаваніи географіи», «Женщина». Среди холода и неуютности петербургской жизни мысли его невольно неслись въ родную Малороссію; кружокъ товарищей-нѣжинцевъ, съ которымъ онъ съ самаго пріѣзда сохранялъ дружескую связь, раздѣлялъ и поддерживалъ его симпатіи. Каждую недѣлю сходились они вмѣстѣ, говорили о своей дорогой Украйнѣ, пѣли малороссійскія пѣсни, угощали другъ друга малороссійскими кушаньями, вспоминали свои школьническія продѣлки и свои веселыя поѣздки домой на каникулы.

Поющія двери, глиняные полы, низенькія комнаты, освѣщенныя огаркомъ въ старинномъ подсвѣчникѣ, покрытыя зеленою плѣсенью крыши, подоблачные дубы, дѣвственныя чащи черемухъ и черешень, яхонтовыя моря сливъ, упоительно-роскошные лѣтніе дни, мечтательные вечера, ясныя зимнія ночи—всѣ эти съ дѣтства знакомые родные образы снова воскресли въ воображеніи Гоголя и просились вылиться въ поэтическихъ произведеніяхъ! Къ маю 31-го года у него были готовы повѣсти, составившія первый томъ «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки».

Въ началѣ 31-го года Гоголь познакомился съ Жуковскимъ, который отнесся къ начинающему писателю съ своей обычной добротой и горячо рекомендовалъ его Плетневу. Плетневъ съ большимъ сочувствіемъ взглянулъ на его литературныя работы, посовѣтовалъ ему издать первый сборникъ его повѣстей подъ псевдонимомъ и самъ выдумалъ для него заглавіе, разсчитанное на то, чтобы возбудить интересъ въ публикѣ. Чтобы обезпечить Гоголя въ матеріальномъ отношеніи, Плетневъ, состоявшій въ то время инспекторомъ Патріотическаго института, далъ ему мѣсто старшаго учителя исторіи въ этомъ институтѣ и предоставилъ ему уроки въ нѣсколькихъ аристократическихъ семействахъ. Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ въ 1832

на праздникѣ, который давалъ извѣстный книгопродавецъ Смирдинъ по случаю перенесенія своего магазина на новую квартиру. Гости подарили хозяину разныя статьи, составившія альманахъ «Новоселье», въ которомъ помѣщена и Гоголева «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Съ Пушкинымъ Гоголь познакомился лѣтомъ 1831-го года. Благодаря ему и Жуковскому, онъ былъ введенъ въ гостиную Карамзиныхъ, составлявшую какъ бы звено между литературнымъ и придворно-аристократическимъ кругомъ, и познакомился съ княземъ Вяземскимъ, съ семействомъ графа Віельгорскаго, съ фрейлинами, красою которыхъ считалась Александра Осиповна Россети, впослѣдствіи Смирнова. Всѣ эти знакомства не могли не оказать на Гоголя вліянія, и вліянія очень сильнаго. Молодой человѣкъ, обладавшій скуднымъ житейскимъ опытомъ и еще болѣе скудными теоретическими знаніями, долженъ былъ подчиниться обаянію болѣе развитыхъ и образованныхъ людей. Жуковскій, Пушкинъ— были имена, которыя онъ съ дѣтства привыкъ произносить съ благоговѣніемъ; когда онъ увидѣлъ, что подъ этими именами скрываются не только великіе писатели, но истинно добрые люди, принявшіе его съ самымъ искреннимъ дружелюбіемъ, онъ всѣмъ сердцемъ привязался къ нимъ, онъ охотно воспринялъ ихъ идеи, и идеи эти легли въ основу его собственнаго міросозерцанія. По отношенію къ политикѣ убѣжденія того литературно-аристократическаго круга, въ которомъ пришлось вращаться Гоголю, могутъ быть охарактеризованы словомъ: либерально-консервативныя. Всякія коренныя реформы русскаго быта и монархическаго строя Россіи отвергались имъ безусловно, какъ нелѣпыя и вредоносныя, а между тѣмъ стѣсненія, налагаемыя этимъ строемъ на отдѣльныя личности, возмущали его; ему хотѣлось болѣе простора для развитія индивидуальныхъ способностей и дѣятельности, болѣе свободы для отдѣльныхъ сословій и учрежденій; всякія злоупотребленія бюрократическаго произвола встрѣчали его осужденіе, но онъ отвергалъ какъ энергическій протестъ противъ этихъ злоупотребленій, такъ и всякія доискиванья коренной причины ихъ. Впрочемъ надобно сказать, что вопросы политическіе и общественные никогда не выдвигались впередъ въ томъ блестящемъ обществѣ, которое собиралось въ гостиной Карамзиныхъ и группировалось около двухъ великихъ поэтовъ. Жуковскій, и какъ поэтъ, и какъ человѣкъ, чуждался вопросовъ, волновавшихъ жизнь, приводив-

шихъ къ сомнѣнію или отрицанію. Пушкинъ съ пренебреженіемъ говорилъ о «жалкихъ скептическихъ умствованіяхъ прошлаго вѣка» и о «вредныхъ мечтаніяхъ», существующихъ въ русскомъ обществѣ, и самъ рѣдко предавался подобнымъ мечтаніямъ.

«Не для житейскаго волненія
«Не для корысти, не для битвъ»...

рождены на свѣтъ избранники судьбы, одаренные геніемъ творчества. Жрецы чистаго искусства, они должны стоять выше мелкихъ страстей черни. Съ этой точки зрѣнія служенія искусству разсматривались кружкомъ и всѣ произведенія, выходившія изъ подъ пера тогдашнихъ писателей. Свѣжая поэзія. веселый юморъ первыхъ произведеній Гоголя обратили на себя вниманіе корифеевъ тогдашней литературы, не подозрѣвавшихъ, какое общественное значеніе будутъ имѣть дальнѣйшія произведенія остроумнаго «хохла», какое толкованіе придастъ имъ новое, уже нарождавшееся литературное поколѣніе.

Знакомства въ аристократическомъ мірѣ не заставили Гоголя прервать связи съ его однокашниками по Нѣжинскому лицею. Въ маленькой квартирѣ его собиралось довольно разнообразное общество: бывшіе лицеисты, изъ числа которыхъ Кукольникъ уже пользовался громкой извѣстностью, начинающіе писатели, молодые художники, знаменитый актеръ Щепкинъ, какой нибудь никому неизвѣстный скромный чиновникъ. Тутъ разсказывались всевозможные анекдоты изъ жизни литературнаго и чиновничьяго міра, сочинялись юмористическіе куплеты, читались вновь выходившія стихотворенія. Гоголь читалъ необыкновенно хорошо и выразительно. Онъ благоговѣлъ передъ созданіями Пушкина и дѣлился съ пріятелями каждой новинкой, выходившей изъ подъ его пера. Стихотворенія Языкова пріобрѣтали въ его чтеніи особенную выпуклость и страстность. Оживленный, остроумный собесѣдникъ, онъ былъ душою своего кружка. Всякая пошлость, самодовольство, лѣнь, всякая неправда, какъ въ жизни, такъ въ особенности въ произведеніяхъ искусства, встрѣчали въ немъ мѣткаго обличителя. И сколько тонкой наблюдательности выказывалъ онъ, отмѣчая малѣйшія черты лукавства, мелкаго искательства и себялюбивой напыщенности! Среди самыхъ жаркихъ споровъ, одушевленныхъ разговоровъ его не покидала способность слѣдить за всѣми окружающими, подмѣчать скрытыя душевныя движенія и тайныя побужденія каждаго. Часто случайно услышанный анекдотъ, повидимому вовсе не интересный разсказъ какого-нибудь посѣтителя

зароняли въ душу его образы, которые разростались въ цѣлыя поэтическія произведенія. Такъ, анекдотъ о какомъ-то канцеляристѣ, страстномъ охотникѣ, скопившемъ съ большимъ трудомъ денегъ на покупку ружья и потерявшемъ это ружье, зародило въ немъ идею «Шинели»; разсказъ какого-то старичка о привычкахъ сумасшедшихъ породилъ «Записки Сумасшедшаго». Самыя «Мертвыя Души» обязаны своимъ происхожденіемъ случайному разсказу. Одинъ разъ Пушкинъ, среди разговора, передалъ Гоголю извѣстіе о томъ, что какой-то авантюристъ занимался въ Псковской губерніи покупкою у помѣщиковъ мертвыхъ душъ и за свои продѣлки арестованъ. «Знаете-ли, – прибавилъ Пушкинъ,—это отличный матеріалъ для романа, я какъ нибудь займусь имъ». Когда нѣсколько времени спустя Гоголь показалъ ему первыя главы своихъ «Мертвыхъ Душъ», онъ сначала немного подосадовалъ и говорилъ своимъ домашнимъ: «Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя». Но затѣмъ, увлекшись прелестью разсказа, вполнѣ примирился съ похитителемъ своей идеи и поощрялъ Гоголя продолжать поэму.

* * *

Отъ 1831 до 1836 года Гоголь почти сплошь прожилъ въ Петербургѣ. Только два раза удалось ему провести по нѣсколько недѣль въ Малороссіи, да побывать въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Это время было періодомъ самой усиленной литературной дѣятельности его. Не считая разныхъ журнальныхъ статей и неоконченныхъ повѣстей, онъ въ эти годы выпустилъ 2 части «Вечеровъ на хуторѣ» и подарилъ насъ такими произведеніями, какъ «Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій», «Портретъ», «Женитьба», «Ревизоръ», первыя главы «Мертвыхъ Душъ».

Самъ Гоголь относился очень скромно къ своимъ первымъ литературнымъ произведеніямъ. Всеобщія похвалы льстили его самолюбію, были ему пріятны, но онъ считалъ ихъ преувеличенными и повидимому не сознавалъ нравственнаго значенія смѣха, возбуждаемаго его разсказами. Онъ попрежнему мечталъ о великомъ дѣлѣ, о подвигѣ на благо многимъ, но все еще искалъ этого дѣла внѣ литературы. Въ 1834 году при открытіи Кіевскаго университета онъ сильно хлопоталъ о каѳедрѣ исторіи при немъ; когда же хлопоты эти не удались, онъ, при содѣйствіи своихъ покровителей, получилъ должность адъюнкта по каѳедрѣ всеобщей исторіи при Петербургскомъ университетѣ. Нельзя не удивляться, что человѣкъ съ такой слабой теоретической подготовкой, съ такимъ скуд-

нымъ запасомъ научныхъ знаній рѣшился взяться за чтеніе лекцій. Но, можетъ быть, именно потому, что онъ никогда не занимался наукой, она и казалась ему дѣломъ не труднымъ.

«Ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами!»—пишетъ онъ въ 1834-мъ г. М. Максимовичу, получившему каѳедру русской словесности въ Кіевѣ. «Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое. Лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними (со студентами) разборы. Это для нихъ полезнѣе всего; скорѣе разовьетъ ихъ умъ и тебѣ будетъ пріятно». Впрочемъ, самъ Гоголь повидимому имѣлъ серьезное намѣреніе или по крайней мѣрѣ мечталъ посвятить себя наукѣ. Въ своихъ письмахъ отъ того времени онъ не разъ говоритъ, что работаетъ надъ исторіей Малороссіи и кромѣ того собирается составить «Исторію среднихъ вѣковъ томовъ въ 8 или 9, если не больше». Блестящимъ результатомъ его занятій украинскими древностями явился «Тарасъ Бульба», мечты же объ исторіи среднихъ вѣковъ такъ и остались мечтами. Профессорскій персоналъ Петербургскаго университета очень сдержанно отнесся къ своему новому собрату: многихъ не безъ основанія возмущало назначеніе на каѳедру человѣка, извѣстнаго только нѣсколькими беллетристическими произведеніями и вполнѣ чуждаго въ мірѣ науки. Зато студенты съ нетерпѣливымъ любопытствомъ ожидали новаго лектора. Первая лекція его *) привела ихъ въ восторгъ. Живыми картинами освѣтилъ онъ имъ мракъ средневѣковой жизни. Затаивъ дыханіе, слѣдили они за блестящимъ полетомъ его мысли. По окончаніи лекціи, продолжавшейся 3/4 часа, онъ сказалъ имъ: «На первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ исторіи среднихъ вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ для этого вооружиться анатомическимъ ножемъ».

Но этихъ-то фактовъ и не было въ распоряженіи молодого ученаго, а кропотливое собираніе и «анатомированіе» ихъ было не подъ силу уму его, слишкомъ склонному къ синтезу, къ быстрому обобщенію. Вторую лекцію онъ началъ громкой фразой: «Азія была всегда какимъ-то народовержущимъ вулканомъ». Затѣмъ вяло и безжизненно поговорилъ о переселеніи народовъ, указалъ нѣсколько курсовъ по исторіи и черезъ 20 минутъ сошелъ

*) Она напечатана въ «Арабескахъ» подъ заглавіемъ «О характерѣ исторіи среднихъ вѣковъ».

съ каѳедры. Послѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ. Студенты скучали, зѣвали и сомнѣвались, неужели этотъ бездарный г. Гоголь-Яновскій—тотъ самый Рудый Панько, который заставлялъ ихъ смѣяться такимъ здоровымъ смѣхомъ. Еще только одинъ разъ удалось ему оживить ихъ. На одну изъ его лекцій пріѣхали Жуковскій и Пушкинъ. Вѣроятно Гоголь зналъ заранѣе объ этомъ посѣщеніи и приготовился къ нему. Онъ прочелъ лекцію, подобную своей вступительной, такую же увлекательную, живую, картинную: «Взглядъ на исторію аравитянъ». Кромѣ этихъ двухъ лекцій, всѣ остальныя были до крайности слабы. Скука и недовольство, ясно выражавшіяся на лицахъ молодыхъ слушателей, не могли не дѣйствовать удручающе на лектора. Онъ понялъ, что взялся не за свое дѣло и сталъ тяготиться имъ. Когда въ концѣ 1835 г. ему предложили выдержать испытаніе на степень доктора философіи, если онъ желаетъ занять профессорскую должность, онъ безъ сожалѣнія отказался отъ каѳедры, которую не могъ занимать съ честью.

Напрасно старался Гоголь убѣдить себя и другихъ, что можетъ посвятить себя научнымъ изслѣдованіямъ. Инстинктъ художника подталкивалъ его воплощать въ живые образы явленія окружающей жизни и мѣшалъ ему предаваться серьезному изученію сухихъ матеріаловъ. Задумавъ составить большое сочиненіе по географіи: «Земля и Люди», онъ вскорѣ писалъ Погодину: «Не знаю, отчего на меня напала тоска... корректурный листикъ выпалъ изъ рукъ моихъ и я остановилъ печатанье. Какъ-то не такъ теперь работается, не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь свершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй по объему, то вдругъ зиждется новая система и рушится старая». Затѣмъ онъ сообщаетъ, что помѣшался на комедіи, что она не выходитъ у него изъ головы, и сюжетъ, и заглавіе уже готовы. «Примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумятъ аплодисменты; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и исторія къ чорту!» Вмѣсто того чтобы подготовляться къ лекціямъ, онъ издавалъ свой «Миргородъ», создавалъ «Ревизора», вынашивалъ въ головѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ», принималъ дѣятельное участіе въ литературныхъ дѣлахъ того времени. Злобой дня тогдашняго литературнаго міра было ненормальное состояніе журналистики. Ею окончательно овладѣлъ извѣстный тріумвиратъ: Гречъ, Сенков-

скій и Булгаринъ. Благодаря большимъ денежнымъ средствамъ издателя-книгопродавца Смирдина, «Библіотека для Чтенія» сдѣлалась самымъ толстымъ и самымъ распространеннымъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Сенковскій царилъ въ ней безраздѣльно. Подъ разными псевдонимами онъ наполнялъ ее своими собственными сочиненіями; въ отдѣлѣ критики, по своему усмотрѣнію, однихъ писателей производилъ въ геніи, другихъ топталъ въ грязь; произведенія, печатавшіяся въ его журналѣ, самымъ безцеремоннымъ образомъ сокращалъ, удлинялъ, передѣлывалъ на свой ладъ. Оффиціальнымъ редакторомъ «Библіотеки для Чтенія» значился Гречъ, а такъ какъ онъ кромѣ того издавалъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ «Сѣверную Пчелу» и «Сынъ Отечества», то, понятно, все, что говорилось въ одномъ журналѣ, поддерживалось въ двухъ другихъ. Притомъ надобно замѣтить, что для борьбы съ противниками тріумвиратъ не брезгалъ никакими средствами, даже доносомъ, такъ что чисто литературная полемика нерѣдко оканчивалась при содѣйствіи администраціи. Нѣсколько періодическихъ изданій въ Москвѣ и Петербургѣ («Молва», «Телеграфъ», «Телескопъ», «Литературныя прибавленія къ Инвалиду») пытались противодѣйствовать тлетворному вліянію «Библіотеки для Чтенія». Но отчасти недостатокъ денежныхъ средствъ, отчасти отсутствіе энергіи и умѣлости вести журнальное дѣло, а главнымъ образомъ тяжелыя цензурныя условія мѣшали успѣху борьбы. Съ 1835 г. въ Москвѣ съ тою же цѣлью противодѣйствія петербургскому тріумвирату явился новый журналъ «Московскій Наблюдатель». Гоголь горячо привѣтствовалъ появленіе новаго члена журнальной семьи. Онъ былъ знакомъ лично и состоялъ въ перепискѣ съ издателемъ его Шевыревымъ и съ Погодинымъ, кромѣ того и Пушкинъ благосклонно отнесся къ московскому изданію. «Телеграфъ» и «Телескопъ» возмущали его рѣзкостью своего тона и несправедливыми, по его мнѣнію, нападками на нѣкоторыя литературныя имена («Дельвига, Вяземскаго, Катенина»). «Московскій Наблюдатель» обѣщалъ болѣе почтительности къ авторитетамъ, болѣе солидности въ обсужденіи разныхъ вопросовъ, менѣе молодого задора, непріятно дѣйствовавшаго на аристократовъ литературнаго міра. Гоголь самымъ энергическимъ образомъ пропагандировалъ его среди своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Каждый членъ его кружка непремѣнно долженъ былъ подписаться на новый журналъ, «имѣть своего «Наблюдателя»; всѣхъ своихъ знакомыхъ писателей онъ упрашивалъ посылать туда статьи. Вскорѣ при-

шлось ему однако сильно разочароваться въ московскомъ органѣ. Отъ его книжекъ вѣяло скукой, онѣ были блѣдны, безжизненны, лишены руководящей идеи. Такой противникъ не могъ быть страшенъ для петербургскихъ воротилъ журнальнаго дѣла. А между тѣмъ Гоголю пришлось испытать на себѣ непріятныя стороны ихъ владычества. Когда вышли его «Арабески» и «Миргородъ», вся Булгаринская клика съ ожесточеніемъ набросилась на него, а «Московскій Наблюдатель» очень сдержанно и уклончиво высказывалъ ему свое одобреніе. Правда, въ защиту его изъ Москвы раздался голосъ, но онъ еще не предчувствовалъ всей мощи этого голоса. Въ «Телескопѣ» появилась статья Бѣлинскаго: «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», въ которой говорилось, что «чувство глубокой грусти, чувство глубокаго соболѣзнованія къ русской жизни и ея порядкамъ слышится во всѣхъ разсказахъ Гоголя», и прямо заявлялось, что въ Гоголѣ русское общество имѣетъ будущаго «великаго писателя». Гоголь былъ и тронутъ, и обрадованъ этой статьей; но благосклонный отзывъ критика, еще не авторитетнаго, помѣщенный въ органѣ, которому не симпатизировали его петербургскіе друзья, не вознаграждалъ его за непріятности, какія приходилось ему терпѣть съ другихъ сторонъ. Кромѣ ѣдкихъ критикъ литературныхъ враговъ, онъ подвергался еще болѣе тяжелымъ нападкамъ на свою личность. Вступленіе его въ университетъ, благодаря протекціи, а не ученымъ заслугамъ, было встрѣчено неодобрительно въ кружкѣ его близкихъ знакомыхъ и неодобреніе это возрастало по мѣрѣ того, какъ выяснялась полная неспособность его къ профессорской дѣятельности. Онъ отказался отъ каѳедры въ концѣ 1835 г., но въ душѣ его остался осадокъ горечи отъ осужденія, справедливость котораго онъ не могъ не сознавать.

Въ томъ-же 1835-мъ году Гоголь началъ хлопотать о постановкѣ на сцену Петербургскаго театра своего «Ревизора». Это было первое его произведеніе, которымъ онъ сильно дорожилъ, которому онъ придавалъ большое значеніе. «Это лицо,—говоритъ онъ про Хлестакова,—должно быть типомъ многаго разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться». «Въ «Ревизорѣ» я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости,

какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ». Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ создать серьезную комедію нравовъ и больше всего боялся, какъ-бы она, вслѣдствіе непониманія или неумѣлости актеровъ, не показалась фарсомъ, карикатурой. Чтобы избѣжать этого, онъ усердно слѣдилъ за постановкой пьесы, читалъ актерамъ ихъ роли, присутствовалъ на репетиціяхъ, хлопоталъ о костюмахъ, о бутафорскихъ принадлежностяхъ. Въ вечеръ перваго представленія театръ былъ полонъ избранной публикой. Гоголь сидѣлъ блѣдный, взволнованный, грустный. Послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ; по временамъ раздавался смѣхъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже слышался этотъ смѣхъ, аплодисментовъ почти совсѣмъ не было, зато замѣтно было общее напряженное вниманіе, которое въ концѣ перешло въ негодованіе большинства: «Это—невозможность, это - клевета, это—фарсъ!» слышалось со всѣхъ сторонъ. Въ высшихъ чиновничьихъ кругахъ называли пьесу либеральною, революціонною, находили, что ставить подобныя вещи на сценѣ — значитъ прямо развращать общество, и «Ревизоръ» избавился отъ запрещенія только благодаря личному желанію Императора Николая Павловича. Петербургская журналистика обрушилась на него всѣми своими громами. Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» обвиняли пьесу въ нелѣпости и неправдоподобности содержанія, въ карикатурности характеровъ, въ циничности и грязной двусмысленности тона. Гоголь былъ сильно огорченъ и разочарованъ: его любимое произведеніе, отъ котораго онъ ждалъ себѣ славы, унижено, заброшено грязью! «Я усталъ и душою, и тѣломъ,—писалъ онъ Пушкину послѣ перваго представленія «Ревизора». — Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій... Богъ-же съ ними со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса!»

Въ письмѣ къ Погодину онъ подробно описываетъ свои ощущенія: «Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же оплеваннаго и опозореннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ-же самихъ и ихъ-же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него и нѣтъ

никакой сколько-нибудь равносильной стороны за его. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто-же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны-бы имѣть на столько ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ—по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ—называетъ образованными. Выведены на сцену плуты—и всѣ въ ожесточеніи: «зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?» Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитого на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что-же бы сказала столица, если-бы выведены были, хотя слегка, ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ,—то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ—плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту – значитъ въ переводѣ опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами—утѣшитъ-ли это его?»

Пониманіе небольшого круга передовыхъ людей не могло утѣшить Гоголя, потому что самъ онъ не ясно сознавалъ значеніе и нравственную силу своего произведенія. Для него, какъ и для его друзей, которымъ онъ читалъ «Ревизора» въ квартирѣ Жуковскаго, это была живая, вѣрная картина провинціальнаго общества, ѣдкая сатира надъ всѣми признанной язвой бюрократическаго міра—надъ взяточничествомъ. Когда онъ написалъ ее, когда онъ такъ усердно хлопоталъ о постановкѣ ея на сцену, ему и въ голову не приходило, что она можетъ имѣть глубокій общественный смыслъ, что, ярко изображая пошлость и неправду, среди

которой жило общество, она заставитъ это общество задуматься, поискать причинъ всей этой пошлости и неправды. И вдругъ: «Либералъ! бунтовщикъ! клеветникъ на Россію!» Онъ былъ ошеломленъ, сбитъ съ толку. Петербургскій климатъ убійственно дѣйствовалъ на его здоровье, нервы его расшатались; больной, усталый умственно послѣ усиленной работы послѣднихъ лѣтъ, разочарованный въ своихъ попыткахъ найти истинно полезное поприще дѣятельности, онъ рѣшилъ отдохнуть отъ всего, что̀ волновало его въ послѣднее время, подальше отъ тумановъ и непогодъ сѣверной столицы, подъ болѣе яснымъ небомъ, среди совершенно чужихъ людей, которые отнесутся къ нему и безъ вражды, и безъ назойливой пріязни. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда,—писалъ онъ Пушкину въ маѣ 1836 г.—«и предстоящее мнѣ путешествіе—пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ какъ Богъ знаетъ чего!»

III.

Первыя поѣздки заграницу.

Въ Германіи и Швейцаріи.—Въ Женевѣ и Парижѣ.- Извѣстіе о смерти Пушкина. —Въ Римѣ. —Впечатлѣнія и встрѣчи.—Смерть Віельгорскаго. —Пріѣздъ на короткое время въ Москву и Петербургъ.—Вторичный пріѣздъ въ Римъ.—Жизнь и литературныя занятія Гоголя въ Римѣ.

Въ іюнѣ 1836 г. Гоголь сѣлъ на пароходъ, отправлявшійся въ Любекъ. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ пріятель его А. Данилевскій. Опредѣленной цѣли не было ни у одного изъ нихъ: имъ просто хотѣлось отдохнуть, освѣжиться, полюбоваться всѣмъ, что есть замѣчательнаго въ Европѣ Поѣздивъ вмѣстѣ по Германіи, пріятели разстались: Данилевскаго тянуло въ Парижъ, къ тамошнимъ развлеченіямъ, Гоголь сдѣлалъ одинъ путешествіе по Рейну и оттуда направился въ Швейцарію. Красоты природы производили на него сильное впечатлѣніе. Особенно поражали его своимъ величавымъ великолѣпіемъ снѣговыя вершины Альпъ. Подъ вліяніемъ путешествія мрачное настроеніе, въ какомъ онъ выѣзжалъ изъ Петербурга, разсѣялось, онъ укрѣпился и ободрился духомъ: «Клянусь, что я сдѣлаю то, чего не сдѣлаетъ обыкновенный человѣкъ,—писалъ онъ Жуковскому.—Львиную силу чувствую въ душѣ своей и

замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ».

Осенью живя въ Женевѣ и Веве, онъ усердно принялся за продолженіе «Мертвыхъ Душъ», первыя главы которыхъ были уже написаны въ Петербургѣ. «Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! это будетъ первая моя порядочная вещь, которая вынесетъ мое имя!»—говорилъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому.

Зиму Гоголь провелъ опять вмѣстѣ съ Данилевскимъ въ Парижѣ; вдвоемъ осматривали они всѣ его достопримѣчательности-картинную галлерею Лувра, Jardin des Plantes, Версаль и проч., посѣщали кафе, театры, но вообще Гоголь нашелъ мало привлекательнаго въ этомъ городѣ. То, что могло быть новаго и интереснаго для русскаго въ столицѣ конституціонной монархіи—борьба политическихъ партій, пренія въ палатѣ, свобода слова и печати—мало занимало его. При всѣхъ путешествіяхъ на первомъ планѣ стояла для него природа и произведенія искусства; людей онъ наблюдалъ и изучалъ какъ отдѣльныя личности, а не какъ членовъ извѣстнаго общества; всѣ политическія страсти и интересы были чужды его по преимуществу созерцательной натурѣ. Заграницей онъ мало сближался съ иностранцами: вездѣ онъ входилъ въ кругъ своихъ, русскихъ изъ новыхъ, или изъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ. Въ Парижѣ онъ просиживалъ большую часть вечеровъ въ уютной гостиной Александры Осиповны Смирновой. Смирнова, урожденная Россети, бывшая фрейлина императрицъ Маріи Θеодоровны и Александры Θеодоровны, блистала въ свѣтскихъ кругахъ красотой и умомъ. Черезъ Плетнева, бывшаго ея учителемъ въ Екатерининскомъ институтѣ, и Жуковскаго она познакомилась со всѣми выдающимися писателями того времени, и «всѣ мы были болѣе или менѣе ея военноплѣнными»,—говоритъ князь Вяземскій. Пушкинъ и Лермонтовъ посвящали ей стихотворенія, Хомяковъ, Самаринъ, Иванъ Аксаковъ увлекались ею, Жуковскій называлъ ее «небеснымъ дьяволенкомъ». Гоголь познакомился съ ней еще въ 1829 г., давая уроки въ одномъ аристократическомъ семействѣ. Она обратила вниманіе на скромнаго, застѣнчиваго учителя ради его хохлацкаго происхожденія. Сама она родилась въ Малороссіи, провела тамъ первое дѣтство и любила все малороссійское. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Гоголь не остался равнодушнымъ

къ чарамъ остроумной и кокетливой свѣтской красавицы; но онъ тщательно скрывалъ эту любовь отъ всѣхъ окружающихъ, и во всѣхъ его многочисленныхъ письмахъ къ Александрѣ Осиповнѣ видна одна только искренняя дружба, которая находила и въ ней отвѣтъ. Въ Парижѣ они встрѣтились, какъ добрые, старые знакомые, и всѣ разговоры ихъ вертѣлись главнымъ образомъ на воспоминаніяхъ о Малороссіи. Она пѣла ему: «Ой, не ходы Грыцю на вечорныци», и вмѣстѣ вспоминали они малороссійскую природу и малороссійскія галушки. Свои парижскія наблюденія онъ передавалъ ей въ видѣ комическихъ сценъ, дышавшихъ тонкою наблюдательностью и неподдѣльнымъ юморомъ.

Въ Парижѣ застало Гоголя извѣстіе о смерти Пушкина. Какъ громомъ поразила его эта вѣсть! «Ты знаешь, какъ я люблю свою мать,—говорилъ онъ Данилевскому,—но если бы я потерялъ даже ее, я не могъ бы быть такъ огорченъ, какъ теперь. Пушкинъ въ этомъ мірѣ не существуетъ больше!» «Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата,—писалъ онъ позднѣе Плетневу изъ Рима:— но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи... Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое— вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ предвкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

Очень можетъ быть, что именно эта тоска ускорила отъѣздъ Гоголя изъ Парижа. Въ мартѣ 1837 г. онъ уже былъ въ Римѣ. Вѣчный городъ произвелъ на него обаятельное впечатлѣніе. Природа Италіи восхищала, очаровывала его. Живя въ Петербургѣ, онъ постоянно вздыхалъ о веснѣ, завидовалъ тѣмъ, кто можетъ наслаждаться ею въ Малороссіи, а тутъ вдругъ его охватила вся прелесть итальянской весны. «Какая весна! Боже, какая весна!»— въ восторгѣ восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющемъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежъ деревъ, едва покрывшихся св*

жею, почти желтою зеленью, и даже темные, какъ воронье крыло, кипарисы и еще далѣе голубыя, матовыя, какъ бирюза, горы Фраскати, и Албанскія, и Тиволи. Что-за воздухъ! Удивительная весна! Гляжу и не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ; но обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться въ одинъ носъ, чтобы не было ничего больше—ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовенія и весны».

Вѣроятно въ другія минуты жизни Гоголь точно также страстно желалъ весь превратиться въ глаза, чтобы ничего не потерять изъ тѣхъ чудныхъ картинъ, которыя развертывались передъ нимъ на каждомъ шагу, постоянно открывая новыя и новыя прелести. «О, если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи»—писалъ онъ Плетневу. «Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина, на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства—все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу».

Все въ Римѣ нравилось Гоголю, все плѣняло его. Отъ наслажденія природой онъ переходилъ къ произведеніямъ искусства и тутъ уже не было конца его восторгамъ. Памятники древней жизни и созданія новѣйшихъ художниковъ, Колизей и св. Петръ равно очаровывали его. Онъ изучилъ всѣ картинныя галлереи города; онъ по цѣлымъ часамъ простаивалъ въ церквахъ передъ картинами и статуями великихъ мастеровъ; онъ посѣщалъ мастерскія всѣхъ художниковъ и скульпторовъ, жившихъ тогда въ Римѣ. Показывать Римъ знакомымъ, пріѣзжавшимъ изъ Россіи, было для него величайшимъ удовольствіемъ. Онъ просто гордился Римомъ, какъ чѣмъ-то своимъ, хотѣлъ, чтобы всѣ имъ восхищались, обижался на тѣхъ, кто холодно относился къ нему. Римскій народъ также очень нравился ему своею веселостью, своимъ юморомъ и своимъ остроуміемъ. Научившись хорошо понимать итальянскій языкъ, онъ часто подолгу сидѣлъ у открытаго окна своей комнаты, съ

удовольствіемъ прислушиваясь къ перебранкѣ какихъ-нибудь мастеровыхъ или къ пересудамъ римскихъ кумушекъ. Онъ наблюдалъ отдѣльные типы, восхищался ими; но и здѣсь, какъ въ Парижѣ, у него не было охоты сойтись поближе съ обществомъ или съ народомъ, узнать, чѣмъ живетъ, на что надѣется, чего ждетъ этотъ народъ. Онъ велъ знакомство съ нѣсколькими итальянскими художниками, но бо́льшую часть времени проводилъ или одинъ въ работѣ и въ уединенныхъ прогулкахъ, или въ обществѣ русскихъ. Изъ русскихъ художниковъ, жившихъ въ то время въ Римѣ, онъ близко сошелся только съ А. И. Ивановымъ, да развѣ со скульпторомъ Іорданомъ и вообще симпатизировалъ немногимъ: большинство не нравилось ему своей заносчивостью, недостаткомъ образованія и таланта въ соединеніи съ громаднымъ самомнѣніемъ. Русскихъ гостей Гоголю приходилось часто принимать въ Римѣ и «угощать» Римомъ. Не считая Данилевскаго, который одновременно съ нимъ странствовалъ по Европѣ, у него въ первые же годы жизни въ Римѣ побывали: Жуковскій, Погодины (мужъ и жена), Панаевъ, Анненковъ, Шевыревъ и многіе другіе Въ Римѣ же ему пришлось ухаживать за однимъ больнымъ, который и умеръ на его рукахъ. Это былъ Іосифъ Віельгорскій, сынъ гофмейстера графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, молодой человѣкъ, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его, богато одаренный отъ природы. Гоголь былъ знакомъ въ Петербургѣ съ нимъ и его семьей. У него развилась чахотка, доктора послали его въ Италію и мать его просила Гоголя принять въ немъ участіе, позаботиться о немъ на чужбинѣ. Гоголь исполнилъ ея просьбу болѣе чѣмъ добросовѣстно: онъ окружилъ больного самою нѣжною заботливостью, почти не разставался съ нимъ цѣлые дни, проводилъ ночи безъ сна у его постели. Смерть юноши сильно огорчила его. «Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются,—писалъ онъ Данилевскому.—Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только—увы!—во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени благородна была эта высокая, младенчески-ясная душа! Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича. И прекрасное должно было погибнуть, какъ гибнетъ все прекрасное у насъ на Руси!..»

Подъ живительными лучами итальянскаго солнца здоров*

Гоголя укрѣплялось, хотя вполнѣ здоровымъ онъ себя никогда не считалъ. Знакомые подтрунивали надъ его мнительностью, но онъ еще въ Петербургѣ говорилъ совершенно серьезно, что доктора не понимаютъ его болѣзни, что у него желудокъ устроенъ совсѣмъ не такъ, какъ у всѣхъ людей, и это причиняетъ ему страданія, которыхъ другіе не понимаютъ. Живя за-границей, онъ почти каждое лѣто проводилъ на какихъ-нибудь водахъ, но рѣдко выдерживалъ полный курсъ леченія; ему казалось, что онъ самъ лучше всѣхъ докторовъ знаетъ какъ и чѣмъ лечиться. Всего благотворнѣе, по его мнѣнію, на него дѣйствовали путешествія и жизнь въ Римѣ. Путешествія освѣжали его, прогоняли всякія мрачныя или тревожныя мысли. Римъ укрѣплялъ и бодрилъ его. Тамъ принялся онъ за продолженіе «Мертвыхъ Душъ», кромѣ того онъ писалъ «Шинель» и «Анунціату», повѣсть, впослѣдствіи передѣланную имъ и составившую статью «Римъ»; много работалъ онъ также надъ большой трагедіей изъ быта запорожцевъ, но остался недоволенъ ею и послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ уничтожилъ ее.

* * *

Осенью 1839 года Гоголь отправился вмѣстѣ съ Погодинымъ въ Россію, прямо въ Москву, гдѣ кружокъ Аксаковыхъ принялъ его съ распростертыми объятіями. Съ семействомъ Аксаковыхъ онъ былъ знакомъ раньше, и все оно принадлежало къ числу восторженныхъ поклонниковъ его. Вотъ какъ описываетъ С. Т. Аксаковъ впечатлѣніе, произведенное на нихъ пріѣздомъ Гоголя: «Я жилъ это лѣто съ семьею на дачѣ въ Аксиньинѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы. 26 сентября вдругъ получаю я слѣдующую записку отъ Щепкина: «Спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ и не одинъ; ожиданія наши исполнились, съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ; я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ, даже до того, что едва ли не сухо его принялъ; вчера просидѣлъ цѣлый вечеръ у нихъ и кажется путнаго слова не сказалъ; такое волненіе его пріѣздъ во мнѣ произвелъ, что я нынѣшнюю ночь почти не спалъ. Не утерпѣлъ, чтобы не извѣстить васъ о такомъ для насъ сюрпризѣ». Мы всѣ обрадовались чрезвычайно. Сынъ мой (Константинъ), прочитавши записку прежде всѣхъ, поднялъ отъ радости такой

кликъ, что всѣхъ перепугалъ, тотчасъ же поскакалъ въ Москву и повидался съ Гоголемъ, который остановился у Погодина».

Понятно, какое согрѣвающее впечатлѣніе долженъ былъ произвести на душу Гоголя такой сердечный пріемъ. Онъ почти каждый день бывалъ у Аксаковыхъ и являлся передъ ними такимъ, какимъ видали его всѣ близкіе знакомые: веселымъ, остроумнымъ и задушевнымъ собесѣдникомъ, чуждымъ всякой заносчивости, всякой церемонности. Въ его внѣшности Аксаковы нашли большую перемѣну противъ того, какимъ видали его въ 1834 году.

«Слѣдовъ не было прежняго гладко выбритаго и обстриженнаго, кромѣ одного хохла, франтика въ модномъ фракѣ. Прекрасные, бѣлокурые, густые волосы лежали у него почти по плечамъ; красивые усы, эспаньолка довершали перемѣну; всѣ черты лица получили совсѣмъ другое значеніе; особенно въ глазахъ, когда онъ говорилъ, выражалась доброта, веселось и любовь ко всѣмъ; когда же онъ молчалъ или задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему-то не внѣшнему. Сюртукъ вродѣ пальто замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ совершенной крайности; сама фигура Гоголя въ сюртукѣ сдѣлалась благообразнѣе».

Гоголь собирался въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ взять изъ Патріотическаго института двухъ своихъ сестеръ. Сергѣю Тимофеевичу Аксакову нужно было ѣхать туда же съ сыномъ и дочерью. Они отправились всѣ вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ и всю дорогу Гоголь былъ неистощимо веселъ. Въ Петербургѣ онъ остановился у В. А. Жуковскаго,—который въ качествѣ наставника тогдашняго Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича имѣлъ большую квартиру въ Зимнемъ дворцѣ,—и тотчасъ же для него начались непріятныя хлопоты. Литературныя работы не обезпечивали его въ матеріальномъ отношеніи. Деньги, полученныя имъ съ Дирекціи Императорскихъ театровъ за «Ревизора» (2500 р. ассигн.), дали ему средства уѣхать изъ Россіи въ 1836 г., но конечно не могли обезпечить его существованія за границей. Въ 1837 г. Жуковскій выхлопоталъ для него пособіе отъ Государя въ размѣрѣ 5000 р. ассигн., и на эти деньги онъ жилъ до пріѣзда въ Россію. Но теперь ему предстояли экстренные расходы: надобно было, взявъ сестеръ изъ института, сдѣлать имъ полную экипировку, довезти ихъ до Москвы, да еще заплатить за нѣкоторые приватные уроки, которые онѣ брали въ институтѣ. Мать его не могла ничего удѣлить дочерямъ изъ своихъ средствъ. Хотя

имѣніе, оставшееся послѣ Василія Аѳанасьевича Гоголя, было не особенно маленькое (200 душъ крестьянъ, около 1000 дес. земли), но заложенное, и доходами съ него Марья Ивановна еле могла существовать. Пріѣздъ изъ Малороссіи въ Москву за дочерьми и безъ того представлялся ей довольно разорительнымъ. Гоголь не рѣшился обратиться съ просьбою о денежномъ пособіи къ своимъ старымъ друзьямъ, Жуковскому и Плетневу, такъ какъ они и безъ того много разъ ссужали его деньгами, и онъ считалъ себя ихъ неоплатнымъ должникомъ; изъ другихъ знакомыхъ его одни, не смотря на все желаніе, не въ состояніи были помочь ему, съ другими онъ не былъ настолько близокъ, чтобы явиться въ роли просителя. Гоголь волновался, хандрилъ, обвинялъ Петербургъ въ холодности, въ равнодушіи. С. Т. Аксаковъ съ чуткостью, свойственной его истинно доброму сердцу, угадалъ, что̀ происходило въ душѣ поэта, и самъ, безъ всякой просьбы съ его стороны, предложилъ ему 2000 руб. Гоголь очень хорошо зналъ, что Аксаковы совсѣмъ не богаты, что имъ самимъ часто приходится нуждаться въ деньгахъ, тѣмъ болѣе тронула его эта неожиданная помощь. Успокоившись на счетъ матеріальныхъ дѣлъ, Гоголь и въ Петербургѣ не оставлялъ вполнѣ своихъ литературныхъ занятій и каждый день проводилъ опредѣленные часы за письменнымъ столомъ, запершись въ своей комнатѣ отъ всѣхъ посѣтителей. У него въ то время была готова большая часть перваго тома «Мертвыхъ Душъ» и первыя главы были даже окончательно отдѣланы. Онъ читалъ ихъ въ кружкѣ своихъ пріятелей, собравшихся для этой цѣли въ квартирѣ Прокоповича. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ мастерское чтеніе, только иногда взрывы неудержимаго смѣха прерывали общую тишину. Гоголь при передачѣ самыхъ смѣшныхъ сценъ сохранялъ полную серьезность, но искренняя веселость и неподдѣльный восторгъ, возбуждаемый въ слушателяхъ, видимо были ему очень пріятны.

Въ Петербургѣ онъ оставался въ этотъ разъ не долго и, взявъ сестеръ изъ института, вернулся вмѣстѣ съ Аксаковыми въ Москву. Въ Москвѣ умственная жизнь шла въ то время гораздо живѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Рѣзкаго разрыва между славянофилами и западниками еще не произошло, въ передовой интеллигенціи господствовало увлеченіе Гегелемъ и нѣмецкой философіей. У Аксаковыхъ, у Станкевича, у Елагиной, вездѣ, гдѣ собирались молодые профессора или литераторы, шли горячіе, оживленные споры о разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ и философскихъ

системахъ. Гоголь, ни по своему развитію, ни по складу ума своего, не могъ принимать участія въ подобныхъ словопреніяхъ. Его московскіе друзья вовсе и не ожидали этого отъ него. Онъ нравился имъ, какъ человѣкъ, тонко наблюдающій и нѣжно-отзывчивый, они поклонялись его таланту, они любили его какъ художника, который смѣлою и въ то же время тонкою кистью касался язвъ современнаго общества. Причины этихъ язвъ, средства уврачевать ихъ они искали и находили на основаніи своихъ собственныхъ убѣжденій. Именно потому, что Гоголь не высказывалъ своихъ теоретическихъ взглядовъ, каждая партія считала себя вправѣ называть его своимъ и заключать о его міровоззрѣніи на основаніи тѣхъ выводовъ, которые сама дѣлала изъ его произведеній.

«Чѣмъ болѣе я смотрю на него, тѣмъ болѣе удивляюсь и чувствую всю великость этого человѣка и всю мелкость людей, его не понимающихъ!—восклицалъ всегда восторженный Константинъ Аксаковъ.—Что это за художникъ! какъ полезно съ нимъ проводить время!»

Станкевичъ восхищался каждой строчкой, выходившей изъ подъ пера его; при первыхъ словахъ его чтенія онъ заливался неудержимымъ хохотомъ отъ одного предчувствія того юмора, какимъ проникнуты его произведенія.

«Поклонись отъ меня Гоголю,—писалъ съ Кавказа Бѣлинскій, въ то время еще москвичъ по духу,—и скажи ему, что я такъ люблю его и какъ поэта, и какъ человѣка, что тѣ немногія минуты, въ которыя я встрѣчался съ нимъ въ Питерѣ, были для меня отрадою и отдыхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ даже не хотѣлось и говорить съ нимъ, но его присутствіе давало полноту душѣ моей».

Отправивъ одну изъ сестеръ своихъ въ деревню съ матерью, которая пріѣзжала въ Москву, чтобы взять ее и повидаться съ сыномъ, помѣстивъ другую къ одной знакомой барынѣ, взявшейся докончить ея образованіе, Гоголь сталъ собираться назадъ въ Римъ. Друзья старались удержать его, высказывая опасеніе, что среди роскошной природы и привольной жизни Италіи онъ забудетъ Россію; но онъ увѣрялъ ихъ, что совершенно наоборотъ, чтобы настоящимъ образомъ любить Россію, ему необходимо удалиться отъ нея; во всякомъ случаѣ, онъ обѣщалъ черезъ годъ вернуться въ Москву и привезти первый томъ «Мертвыхъ Душъ» совсѣмъ готовымъ. Аксаковы, Погодинъ и Щепкинъ проводили его до первой станціи варшавской дороги и тамъ распрощались самымъ дружескимъ образомъ.

Выдержавъ въ Вѣнѣ курсъ леченія водами, Гоголь затѣмъ вернулся въ свой любимый Римъ, про который онъ говорилъ: «мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ». Теперь уже этотъ Римъ пересталъ служить для него предметомъ постояннаго восторженнаго наблюденія и изученія: онъ безсознательно, какъ чѣмъ-то привычнымъ, наслаждался и его природой, и его художественными красотами, и вполнѣ предался своимъ литературнымъ трудамъ. «Я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешествія,— пишетъ онъ,—и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ». Онъ дописывалъ послѣднія главы перваго тома «Мертвыхъ Душъ», кромѣ того передѣлывалъ нѣкоторыя сцены въ «Ревизорѣ», перерабатывалъ на бѣло «Шинель», занимался переводомъ итальянской комедіи «Ajo nell Imbarazzo» («Дядька въ затруднительномъ положеніи»), о постановкѣ которой на сцену московскаго театра давалъ подробныя указанія Щепкину. Но —увы!—слабый организмъ поэта не вынесъ нервнаго напряженія, сопровождающаго усиленную творческую дѣятельность. Онъ схватилъ сильнѣйшую болотную лихорадку (malaria). Острая, мучительная болѣзнь едва не свела его въ могилу и надолго оставила слѣды какъ на физическомъ, такъ и на психическомъ состояніи его. Припадки ея сопровождались нервными страданіями, слабостью, упадкомъ духа. Н. П. Боткинъ, бывшій въ то время въ Римѣ и съ братскою любовью ухаживавшій за Гоголемъ, разсказываетъ, что онъ говорилъ ему о какихъ-то видѣніяхъ, посѣщавшихъ его во время болѣзни. «Страхъ смерти», мучившій отца Гоголя въ послѣдніе дни его жизни, передался отчасти и сыну. Гоголь съ раннихъ лѣтъ отличался мнительностью, всегда придавалъ большое значеніе всякому своему нездоровью; болѣзнь мучительная, не сразу поддавшаяся врачебной помощи, показалась ему преддверіемъ смерти или по крайней мѣрѣ, концомъ дѣятельной, полной жизни. Серьезныя, торжественныя мысли, на которыя наводитъ насъ близость могилы, охватили его и не покидали болѣе до конца жизни. Оправившись отъ физическихъ страданій, онъ опять принялся за работу, но теперь она пріобрѣла для него иное, болѣе важное значеніе. Отчасти подъ вліяніемъ размышленій, навѣянныхъ болѣзнью, отчасти

благодаря статьямъ Бѣлинскаго и разсужденіямъ его московскихъ почитателей, въ немъ выработался болѣе серьезный взглядъ на свои обязанности, какъ писателя, и на свои произведенія. Онъ, чуть не съ дѣтства искавшій поприща, на которомъ можно прославиться и принести пользу другимъ, пытавшійся сдѣлаться и чиновникомъ, и актеромъ, и педагогомъ, и профессоромъ, понялъ наконецъ, что его настоящее призваніе есть литература, что смѣхъ, возбуждаемый его твореніями, имѣетъ подъ собою глубокое воспитывающее значеніе. «Дальнѣйшее продолженіе «Мертвыхъ Душъ»,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Аксакову,—выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что сдѣлаю, можетъ быть, современемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя силы мои. По крайней мѣрѣ, вѣрно немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя невинныя и скромныя главы вы уже знаете».

Въ то же время религіозность, отличавшая его съ дѣтскихъ лѣтъ, но до сихъ поръ рѣдко проявлявшаяся наружу, стала чаще выражаться въ его письмахъ, въ его разговорахъ, во всемъ его міровоззрѣніи. Подъ ея вліяніемъ онъ сталъ придавать своей литературной работѣ какой-то мистическій характеръ, сталъ смотрѣть на свой талантъ, на свою творческую способность, какъ на даръ, ниспосланный ему Богомъ ради благой цѣли, на свою писательскую дѣятельность, какъ на предопредѣленное свыше призваніе, какъ на долгъ, возложенный на него Провидѣніемъ.

«Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей,—писалъ онъ въ началѣ 1841 года,—и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета».

Этотъ мистически-торжественный взглядъ на свое произведеніе Гоголь высказывалъ пока еще очень немногимъ изъ своихъ знакомыхъ. Для остальныхъ онъ былъ прежнимъ пріятнымъ, хотя нѣсколько молчаливымъ собесѣдникомъ, тонкимъ наблюдателемъ, юмористическимъ разсказчикомъ.

Россія и все русское попрежнему возбуждали въ немъ самый горячій интересъ. Русскихъ, заѣзжавшихъ къ нему въ Римъ, онъ выспрашивалъ о всемъ, что дѣлалось въ Россіи, безъ устали слушалъ разсказы ихъ о всякихъ новостяхъ литературныхъ и нели-

тературныхъ, о всѣхъ интересныхъ статьяхъ, появлявшихся въ журналахъ, о всѣхъ новыхъ писателяхъ.

При этомъ онъ умѣлъ узнавать не только все, что ему хотѣлось, но и взгляды, мнѣнія, характеръ разсказчика, самъ же оставлялъ при себѣ свои задушевныя мысли и убѣжденія. «Онъ беретъ полною рукою все, что ему нужно, ничего не давая»,— выражался про него его римскій пріятель, граверъ Іорданъ.

Кромѣ Россіи и Рима ничто повидимому не интересовало Гоголя. Въ періоды усиленной творческой работы онъ обыкновенно почти ничего не читалъ. «Одна хорошая книга достаточна въ извѣстныя эпохи для наполненія всей жизни человѣка»,—говорилъ онъ и ограничивался тѣмъ, что перечитывалъ Данте, «Илліаду» въ переводѣ Гнѣдича и стихотворенія Пушкина. Политическая жизнь Европы менѣе, чѣмъ когда-нибудь привлекала его вниманіе; о Франціи, какъ родоначальницѣ всякихъ новшествъ, какъ истребительницѣ того, чтó онъ называлъ: «поэзіей прошлаго», онъ отзывался чуть не съ ненавистью. Тогдашній Римъ, Римъ папскаго владычества и австрійскаго вліянія, былъ ему по сердцу. Григорій XVI, по наружности такой добродушный, такъ ласково улыбавшійся на всѣхъ церемоніальныхъ выходахъ, умѣлъ подавлять всѣ стремленія своихъ подданныхъ пріобщиться къ общей жизни европейскихъ народовъ, къ общему ходу европейской цивилизаціи. Безпокойная струя невидимо просачивалась подъ почвой тогдашняго зданія итальянской жизни, тюрьмы были переполнены не уголовными преступниками, а безпокойными головами, не уживавшимися съ монастырски-полицейскимъ режимомъ, но на поверхности все было гладко, мирно, даже весело. На площадяхъ города гремѣли великолѣпные оркестры музыки, по улицамъ безпрестанно двигались торжественныя религіозныя процессіи, сопровождаемыя толпами молящихся, библіотеки, музеи, картинныя галлереи гостепріимно открывали двери свои для всѣхъ желающихъ. Художники, артисты, ученые находили здѣсь всѣ средства для занятія своею спеціальностью и тихій, укромный уголокъ, защищенный отъ тѣхъ бурь, отголоски и предвозвѣстники которыхъ нарушали покой остальной Европы.

Поселившись въ сравнительно малолюдной улицѣ Via Felice, въ очень скромно меблированной, но просторной и свѣтлой комнатѣ, Гоголь велъ правильную, однообразную жизнь.

Вставалъ онъ обыкновенно рано и тотчасъ же принимался за работу, выпивая въ промежуткахъ графинъ или два холодной во-

ды. Онъ находилъ, что вода необыкновенно благотворно на него дѣйствуетъ, что только съ помощью ея онъ поддерживаетъ свои силы. Завтракалъ онъ въ какомъ-нибудь кафе чашкой кофе со сливками, потомъ, до поздняго обѣда, опять работалъ, если не было русскихъ, съ которыми предпринималъ прогулки по Риму и окрестностямъ, а вечера большей частью проводилъ въ кругу своихъ пріятелей-художниковъ.

Къ лѣту 1841 года первый томъ «Мертвыхъ Душъ» былъ окончательно отдѣланъ и приготовленъ къ печати. Гоголь хотѣлъ самъ руководить его изданіемъ и пріѣхать для этой цѣли въ Россію. По мѣрѣ того какъ подвигалась обработка его произведенія и передъ нимъ выяснился весь его планъ, онъ все болѣе проникался мыслью о его великомъ значеніи. «Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами,—писалъ онъ С. Т. Аксакову:—мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что: пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ (Щепкинъ) и Константинъ Сергѣевичъ (Аксаковъ). Имъ нужно же: Михаилу Семеновичу—для здоровья, Константину Сергѣевичу—для жатвы, за которую уже пора ему приняться, а милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого! Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой, подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять—не для меня, нѣтъ. Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище. Стало быть, ее нужно беречь».

IV.

Предвѣстники душевнаго разстройства.

Перемѣны въ душевномъ настроеніи Гоголя по возвращеніи изъ заграницы.—Затрудненія съ первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ».—Физическія и нравственныя страданія Гоголя.—Непріятности московской жизни.—Сборы въ Іерусалимъ.—Гоголь приходитъ въ домъ Аксаковыхъ съ образомъ Спасителя въ рукахъ.—Отъѣздъ заграницу.—«Блюстители огней истины».—Любовь и мистицизмъ.—Уединенныя чтенія отцовъ церкви съ А. О. Смирновой.—Страсть къ проповѣдничеству въ бесѣдахъ и письмахъ.—Денежныя затрудненія.—Трехлѣтняя субсидія отъ императора Николая I.—Трудные роды 2-го тома «Мертвыхъ Душъ».—Молитва для испрашиванія вдохновенія у Бога.

Личныя дѣла помѣшали и Щепкину, и К. Аксакову исполнить просьбу Гоголя и встрѣтить его на дорогѣ въ Россію. Онъ пріѣхалъ одинъ, сначала на короткое время въ Петербургъ, затѣмъ въ Москву, гдѣ старые знакомые встрѣтили его съ прежнимъ радушіемъ. С. Т. Аксаковъ нашелъ въ немъ большую перемѣну за послѣдніе полтора года. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Его веселость и проказливость въ значительной степени исчезли; въ разговорахъ его прорывался порой прежній юморъ, но смѣхъ окружающихъ какъ будто тяготилъ его и быстро заставлялъ перемѣнять тонъ разговора.

Изданіе перваго тома «Мертвыхъ Душъ» доставило Гоголю не мало волненій и внутреннихъ страданій. Московскій цензурный комитетъ не разрѣшилъ печатанья поэмы; его смущало самое заглавіе ея «Мертвыя Души», когда извѣстно, что душа безсмертна. Гоголь отправилъ рукопись въ петербургскій цензурный комитетъ и долго не зналъ, какая судьба постигнетъ ее, будетъ она пропущена, или нѣтъ. Ему пришлось по этому поводу обращаться съ просительными письмами къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ: къ Плетневу, Віельгорскимъ, Уварову, кн. Дондукову-Корсакову, даже черезъ Смирнову посылать прошеніе на Высочайшее имя. Наконецъ въ февралѣ мѣсяцѣ онъ получилъ извѣстіе, что рукопись разрѣшена къ печатанью. Новая бѣда! Несмотря на его письма и просьбы, рукопись не присылали въ Москву и никто не могъ сообщить ему, гдѣ она находится. Зная, какое значеніе онъ прида-

валъ своему произведенію, можно себѣ представить, какъ волновался Гоголь. Онъ безпрестанно наводилъ справки на почтѣ, обращался съ вопросами ко всѣмъ, кто могъ указать ему, куда дѣвалось его сокровище, считалъ его погибшимъ. Наконецъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1842 г. рукопись была получена. Петербургская цензура не нашла ничего подозрительнаго въ томъ, что̀ смутило московскую, только «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ» оказалась сплошь зачеркнутою красными чернилами. Гоголь тотчасъ принялся передѣлывать ее и въ то-же время приступилъ къ печатанью поэмы въ количествѣ 2.500 экземпляровъ.

Всѣ эти тревоги и непріятности болѣзненно отзывались на здоровьѣ Гоголя. Нервы его расшатались, холодъ русской зимы удручалъ его: «Голова моя,—писалъ онъ Плетневу,—страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно, малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ будто-бы она хочетъ треснуть». Въ другомъ письмѣ онъ такъ описываетъ свои болѣзненные припадки: «Болѣзнь моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда со мною еще не было, но страшнѣе всего мнѣ показалось, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительное пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно сомнамбулистическое состояніе.»

С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ обмороковъ Гоголю очень долго пришлось пролежать безъ всякой помощи, одному въ своей комнатѣ, въ мезонинѣ квартиры Погодина.

Въ письмахъ къ знакомымъ Гоголь жаловался исключительно на физическія страданія, но кромѣ нихъ не мало и нравственныхъ непріятностей отравляли его жизнь въ Москвѣ. Съ Погодинымъ и въ особенности съ семьею Аксаковыхъ его связывали личныя отношенія дружбы и благодарности, но онъ не могъ всецѣло раздѣлять ихъ теоретическихъ воззрѣній. Вліяніе петербургскихъ

литературныхъ круговъ, въ которыхъ онъ провелъ молодость, продолжавшіяся связи съ Плетневымъ и Жуковскимъ, наконецъ долгая жизнь за-границей,—все мѣшало этому. Славянофилы считали его вполнѣ своимъ, и онъ дѣйствительно сходился съ ними во многомъ, но ихъ исключительность была чужда ему. Въ то время, какъ они считали Бѣлинскаго злѣйшимъ врагомъ своимъ— и даже добродушный Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ выходилъ изъ себя, говоря о немъ,—Гоголь видѣлся съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ и поручилъ ему доставку «Мертвыхъ Душъ» въ Петербургъ. Выяснить друзьямъ прямо и откровенно свое отношеніе къ ихъ партіи, показать имъ до которыхъ поръ онъ идетъ съ ними—Гоголь не могъ, какъ вслѣдствіе природной уклончивости своего характера, такъ и потому, что тѣ философскія теоріи, которыми они волновались, тѣ выводы, которые они дѣлали изъ этихъ теорій, далеко не ясно представлялись уму его, да онъ и не пытался разбираться въ нихъ. Мистическое настроеніе, охватившее его во время болѣзни въ Римѣ, развивалось все сильнѣе и сильнѣе; мысль его устремлялась все къ небу, къ средствамъ достигнуть небеснаго блаженства, а земные споры о различныхъ философскихъ и общественныхъ вопросахъ казались ему ничтожными, не стоющими большого вниманія. Друзья не подозрѣвали того процесса, который происходилъ въ душѣ его, но часто замѣчали его скрытность, неискренность; это огорчало и возмущало ихъ. Особенно обострились отношенія Гоголя съ Погодинымъ, въ домѣ котораго онъ жилъ.

Погодинъ оказалъ много услугъ Гоголю, ссужалъ его деньгами, хлопоталъ по его дѣламъ, предлагалъ въ своемъ домѣ щедрое гостепріимство ему и всей его семьѣ и въ силу этого считалъ себя вправѣ предъявлять ему извѣстныя требованія. Журналъ его «Москвитянинъ» шелъ плохо: вялыя статьи его наводили уныніе на читателей, подписчиковъ было мало,—ему во что бы то ни стало хотѣлось привлечь къ сотрудничеству Гоголя и именемъ талантливаго популярнаго писателя поправить свои литературныя дѣла. Напрасно Гоголь увѣрялъ, что не имѣетъ ничего готоваго, что не въ состояніи въ данное время писать, онъ не допускалъ въ жизни автора такихъ періодовъ, когда ему «не творится» и безпрестанно мучилъ Гоголя, требуя у него статей въ свой журналъ, причемъ грубо упрекалъ его въ неблагодарности. Легко понять, какъ болѣзненно дѣйствовали на нервную, впечатлительную натуру Гоголя подобные требованія и упреки! Ему не хотѣ-

лось ни открыто поссориться съ Погодинымъ, уѣхавъ изъ его дома, ни даже разсказывать другимъ о его неделикатныхъ поступкахъ. Онъ молчалъ, но втайнѣ мучился и раздражался. Знакомые, не понимавшіе настоящей причины этой раздражительности, слышавшіе постоянныя жалобы Погодина на дурной характеръ Гоголя, обвиняли его въ неуживчивости, въ сварливости.

Непріятности московской жизни заставили Гоголя отказаться отъ своего первоначальнаго предположенія «пожить подольше въ Россіи, узнать тѣ ея стороны, которыя были не такъ коротко знакомы ему», и онъ сталъ снова собираться въ путь. Друзья и знакомые упрашивали его остаться, засыпали его вопросами, куда именно онъ ѣдетъ, на долго ли, скоро ли вернется, но эти просьбы и вопросы были видимо непріятны ему, онъ отвѣчалъ на нихъ уклончиво, неопредѣленно. Одинъ разъ онъ очень удивилъ Аксаковыхъ, явившись къ нимъ съ образомъ Спасителя въ рукахъ и съ необыкновенно радостнымъ, сіяющимъ лицомъ. «Я все ждалъ,— сказалъ онъ,—что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко гробу Господню».

Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія, отъѣзжавшаго изъ Москвы, и тотъ на прощанье благословилъ его образомъ, а онъ увидѣлъ въ этомъ указаніе свыше, божеское одобреніе предпріятію, о которомъ онъ мечталъ въ глубинѣ души, никому не говоря ни слова.

Неожиданное намѣреніе Гоголя возбудило сильнѣйшее недоумѣніе и любопытство, вызвало массу толковъ и пересудъ въ московскихъ кружкахъ: его считали чѣмъ-то страннымъ, нелѣпымъ, едва-ли не безумнымъ. Гоголь никому не объяснялъ тѣхъ нравственныхъ побужденій, въ силу которыхъ явилось у него это намѣреніе, и вообще избѣгалъ всякихъ разговоровъ о предполагаемомъ путешествіи, особенно съ людьми, не раздѣлявшими его религіознаго настроенія.

По мѣрѣ того, какъ печатанье «Мертвыхъ Душъ» благополучно приближалось къ концу, а погода становилась теплѣе, здоровье Гоголя поправлялось и расположеніе духа его прояснялось. 9 мая онъ отпраздновалъ свои именины большимъ обѣдомъ въ саду у Погодина, и на этомъ обѣдѣ друзья опять увидѣли его веселымъ, разговорчивымъ, оживленнымъ. Тѣмъ не менѣе какъ только первый томъ «Мертвыхъ Душъ» вышелъ изъ печати въ концѣ мая мѣсяца, Гоголь уѣхалъ изъ Москвы. Въ іюнѣ онъ былъ

въ Петербургѣ, но и оттуда торопился уѣхать. Сначала онъ предполагалъ одновременно съ первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ» издать полное собраніе своихъ сочиненій и самъ слѣдить за ихъ печатаніемъ. Теперь ему показалось, что это слишкомъ задержитъ его въ Россіи; онъ поручилъ изданіе своему пріятелю Прокоповичу и въ іюнѣ мѣсяцѣ уѣхалъ за-границу, не дождавшись даже отзывовъ печати о своемъ новомъ произведеніи. А между тѣмъ отзывы эти были такого рода, что могли бы заставить его позабыть многія непріятности послѣдняго года.

Всѣ три литературные лагеря, начинавшіе дѣлить господство надъ общественнымъ мнѣніемъ, встрѣтили книгу его съ восторженнымъ сочувствіемъ. Плетневъ помѣстилъ очень обстоятельную и хвалебную статью о ней въ своемъ «Современникѣ»; Константинъ Аксаковъ въ своей брошюрѣ сравнивалъ Гоголя съ Гомеромъ; для Бѣлинскаго и его круга «Мертвыя Души» были знаменательнымъ явленіемъ, утверждавшимъ въ литературѣ новую эпоху.

Къ сожалѣнію, Гоголь совсѣмъ не понималъ того значенія, какое пріобрѣтала въ это время русская литература, русская журналистика, какъ руководительница общественнаго мнѣнія и общественнаго сознанія. Чуждый тѣхъ глубокихъ принципіальныхъ вопросовъ, которые производили расколъ въ передовыхъ умахъ его времени, онъ принималъ страстный полемическій задоръ представителей разныхъ литературныхъ партій за личное раздраженіе и негодовалъ на него. Вотъ что онъ писалъ Шевыреву вскорѣ по отъѣздѣ за-границу: «...въ душевномъ состояніи твоемъ кромѣ другого слышна между прочимъ грусть,—грусть человѣка, взглянувшаго на положеніе журнальной литературы. На это я тебѣ скажу вотъ что: это чувство непріятно и мнѣ оно вполнѣ знакомо. Но является оно тогда, когда приглядываешься болѣе чѣмъ слѣдуетъ къ этому кругу. Это зло представляется тогда огромнымъ и какъ бы обнимающимъ всю область литературы, но какъ только выберешься хотя на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновеніе въ себя,—увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже и помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда побудешь съ ними, мало-ли чего не вообразится? покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія; а какъ взглянешь съ мѣста повыше,—увидишь, что все это на минуту, все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься, уже на мѣсто одного—другое; сегодня гегелисты, завтра шеллингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Что же дѣлать? Уже таково стремленіе общества быть ка-

кими-нибудь истами. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ, такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится, кружится и наконецъ можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины. Что-жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей и если увидятъ, что святые огни пылаютъ неполнымъ свѣтомъ? Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься не многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары. Человѣку, рожденному съ силами большими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, глубоко воспитать себя. Если же онъ будетъ живо принимать къ себѣ все, чтó современно, онъ выйдетъ изъ состоянія душевнаго спокойствія, безъ котораго невозможно наше воспитаніе».—«И такъ, мнѣ кажется, современная журнальная литература должна производить въ разумныхъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе. Это просто плошка, которая не только-что подъ часъ плохо горитъ, но даже еще и воняетъ».

Однимъ изъ блюстителей священнаго огня истины Гоголь очевидно считалъ и себя. Онъ отправлялся въ уединеніе, чтобы тамъ въ тишинѣ продолжать трудъ, который считалъ своимъ призваніемъ. Едва доѣхавъ до Гаштейна, гдѣ онъ проводилъ конецъ лѣта съ больнымъ Языковымъ, онъ уже писалъ Аксакову, прося прислать ему какихъ-либо статистическихъ сочиненій о Россіи и реестръ всѣхъ сенатскихъ дѣлъ за истекшій годъ. Они очевидно нужны были ему для правдиваго изображенія разныхъ подробностей въ жизни его героевъ. За послѣдующее время Гоголь не разъ обращался ко многимъ лицамъ съ просьбами подобнаго же рода: ему хотѣлось знать, какіе доходы приносятъ разныя имѣнія, чѣмъ землевладѣльцы могутъ быть полезны окружающимъ, на сколько уѣздный судья въ своей должности можетъ приносить пользы или вреда и т. под. Хотя онъ говорилъ: «Въ самой природѣ моей замѣчена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удаляюсь отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она представляется мнѣ вся, во всей своей громадѣ»,—но очевидно невозможность наблюдать явленія, лежавшія въ основу его произведенія, давала себя чувствовать.

Окончаніе «Мертвыхъ Душъ» связывалось въ душѣ его съ

предполагаемымъ путешествіемъ въ Іерусалимъ. Онъ находилъ, что можетъ предпринять этотъ путь только по совершенномъ окончаніи своего труда, что это окончаніе такъ-же необходимо ему передъ путешествіемъ, «какъ душевная исповѣдь передъ святымъ причащеніемъ». Онъ мечталъ значительно расширить рамки своего произведенія, кромѣ второго тома написать еще третій, создать нѣчто важное и великое, о чемъ первый томъ не даетъ и понятія.

«Это больше ничего какъ крыльцо къ моему дворцу, который во мнѣ строится»,—писалъ онъ Плетневу.

«Мертвыя Души» должны были представить типы не только отрицательные, но и положительные; яркое изображеніе людской пошлости и низости казалось автору не достаточно поучительнымъ; ему хотѣлось кромѣ того дать образцы, которые показали бы людямъ, какимъ путемъ могутъ и должны они достигать нравственнаго совершенства. Задавшись такими дидактическими цѣлями, Гоголь не могъ уже писать подъ вліяніемъ непосредственнаго творчества. Ему прежде всего надобно было разрѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ то нравственное совершенство, къ которому онъ намѣренъ вести своихъ читателей, и отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ, какъ человѣкъ религіозный, искалъ въ Евангеліи и въ писаніахъ св. отцовъ церкви. Затѣмъ у него естественно являлось сомнѣніе, можетъ ли человѣкъ порочный, грѣховный вести другихъ по пути добродѣтели, и сильное желаніе самому очиститься отъ грѣха, поднять нравственно самого себя.

Гоголь писалъ Щепкину о постановкѣ на театръ своихъ пьесъ, перерабатывалъ нѣкоторыя сцены «Ревизора», отдѣлывалъ окончательно «Женитьбу» и «Игроковъ», шутилъ въ письмахъ къ пріятелямъ, велъ съ Плетневымъ и Прокоповичемъ дѣловую переписку по поводу изданія «Мертвыхъ Душъ» и полнаго собранія своихъ сочиненій; никто изъ этихъ корреспондентовъ не подозрѣвалъ того процесса, который совершался въ душѣ его; о немъ онъ намекалъ только немногимъ близкимъ: матери, сестрамъ, С. Т. Аксакову, поэту Языкову и нѣкоторымъ другимъ; вполнѣ же откровенно высказывался онъ почти исключительно въ письмахъ и разговорахъ съ А. О. Смирновой.

Въ Москвѣ ходили разные слухи о любви Гоголя къ Але-

ксандрѣ Осиповнѣ, и московскіе знакомые боялись, какъ бы эта любовь не погубила поэта. Можетъ-быть любовь и дѣйствительно существовала, но Гоголь старался придать ей чисто духовный характеръ, превратить ее въ «любовь душъ». Смирнова переживала именно въ это время мучительный душевный кризисъ. Съ раннихъ лѣтъ она блистала въ свѣтскихъ гостиныхъ, видѣла у ногъ своихъ толпы поклонниковъ, увлекала и сама увлекалась. Но мало по малу, какъ женщина умная, она поняла пустоту окружающей жизни; салонные разговоры, легкія побѣды надъ мужчинами перестали занимать ее. Серьезнаго интереса къ чему бы то ни было она не испытывала, семейная жизнь не удовлетворяла ее; мужъ ея, Н. М. Смирновъ, былъ добрый, честный человѣкъ, но не обладалъ ни блестящимъ умомъ, ни выдающимися дарованіями; онъ не понималъ безпокойныхъ порывовъ жены; она не могла раздѣлять его слишкомъ «матеріальныхъ» вкусовъ и мучилась, не находя себѣ опоры въ жизни. Въ этомъ душевномъ настроеніи она попробовала обратиться къ религіи и въ ней искать утѣшенія. Зиму 1843 года она провела въ Римѣ, гдѣ жилъ и Гоголь. Онъ открывалъ передъ ней всѣ чудеса искусства вѣчнаго города, онъ заставлялъ ее любоваться древними развалинами и новыми произведеніями живописи и скульптуры, съ ней онъ снова обошелъ всѣ свои любимыя церкви и каждую прогулку по Риму кончалъ непремѣнно соборомъ Св. Петра, на который, по его мнѣнію, нельзя было довольно наглядѣться. При томъ душевномъ настроеніи, въ какомъ находилась Александра Осиповна, она не всегда могла раздѣлять его увлеченіе міромъ искусства, ея мысли заняты были другимъ. Въ Римѣ она вошла въ кружокъ З. Волконской, князя Гагарина и другихъ русскихъ аристократовъ, ревностныхъ католиковъ. Внѣшняя сторона католичества имѣла много привлекательнаго для артистической натуры Александры Осиповны; но Гоголь, глубже понимавшій религію, удерживалъ ее отъ этого увлеченія и старался направить вниманіе ея главнымъ образомъ къ общимъ основамъ христіанскаго ученія. Эти разговоры, жалобы Смирновой на неудовлетворенность жизнью, религіозныя утѣшенія, которыя предлагалъ ей Гоголь, съ одной стороны скрѣпляли болѣе и болѣе ихъ дружбу, съ другой—заставляли Гоголя все чаще и чаще уходить мыслью отъ всего земного въ область духовно-нравственныхъ вопросовъ. Онъ не оставлялъ работы надъ «Мертвыми Душами», но теперь на первомъ планѣ стояло для него лично

усовершенствованіе, и онъ все строже и строже относился какъ къ самому себѣ, такъ и къ своей работѣ. «Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло»,—писалъ онъ.—«Да и трудно это сдѣлать, когда внутри тебя заключился твой неутомимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ.»—«Я знаю, что послѣ буду творить полнѣе и даже быстрѣе: но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои, такъ сказать, связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій».

Религіозное настроеніе и Гоголя, и Смирновой особенно развилось послѣ зимы 1843—44 г., проведенной ими въ Ниццѣ. Тамъ въ это время была цѣлая колонія русскихъ аристократовъ. Александра Осиповна не пренебрегала своими свѣтскими обязанностями, посѣщала общество, была однимъ изъ украшеній гостиной Великой Княгини Маріи Николаевны; Гоголь писалъ, гулялъ на берегу моря, читалъ небольшому кружку знакомыхъ «Тараса Бульбу», часто оживлялъ общество веселыми, остроумными разговорами; но все это было только внѣшняя сторона ихъ жизни, главная же суть ея состояла въ другомъ. Оставаясь наединѣ, они читали сочиненія св. отцовъ церкви, вели безконечные разговоры о разныхъ душевно-нравственныхъ вопросахъ, взаимно поддерживали другъ въ другѣ религіозное настроеніе. На Смирнову часто находили минуты безотчетной тоски, мучительнаго недовольства жизнью. Чтобы успокоить ее, Гоголь совѣтывалъ ей заучивать наизусть псалмы и внимательно слѣдилъ за исполненіемъ этого совѣта. Каждое послѣ обѣда должна была она отвѣчать ему заданный имъ отрывокъ одного изъ псалмовъ, и если она запиналась на какомъ-нибудь словѣ, онъ говорилъ: «не твердо», и отсрочивалъ урокъ до слѣдующаго дня. Свидѣтельницами и до нѣкоторой степени участницами этой интимной жизни Гоголя и Смирновой были Віельгорскія, проводившія эту зиму также въ Ниццѣ. Послѣ смерти Іосифа Віельгорскаго вся его семья относилась къ Гоголю самымъ дружелюбнымъ образомъ. Отецъ его, гофмейстеръ графъ Михаилъ Юрьевичъ, принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Гоголя и не разъ оказывалъ ему услуги своимъ вліяніемъ при дворѣ; мать и сестры смотрѣли на него, какъ на родного. Семейство Віельгорскихъ всегда отлича-

лось набожностью и стремленіемъ къ мистицизму. Михаилъ Юрьевичъ былъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича однимъ изъ извѣстныхъ масоновъ, а жена его —ревностная католичка. Луиза Карловна и ея двѣ дочери, изъ которыхъ старшая была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ гр. Салогубомъ, окружали Гоголя атмосферой искренней дружбы и довѣрія. Благодаря своей способности наблюдать тайныя движенія души, «угадывать» людей, онъ скоро сталъ повѣреннымъ и матери, и дочерей. Онѣ говорили съ нимъ о всѣхъ непріятностяхъ, совѣтывались о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Одна изъ дочерей повѣряла ему невзгоды своей супружеской жизни, другую онъ руководилъ въ выборѣ книгъ для чтенія и въ распредѣленіи занятій. Среди всѣхъ этихъ женщинъ Гоголь игралъ роль друга, совѣтника, проповѣдника.

«Да благословитъ васъ Богъ, —писала ему нѣсколько позднѣе Смирнова,—вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь, этотъ путь такъ разъукрасили, что другимъ идти не хочется. На немъ растутъ прекрасныя розы благоуханныя, сладко душу успокаивающія. Если бы мы всѣ хорошо вполнѣ понимали, что душа сокровище, мы бы берегли ее больше глазъ, больше жизни, но не всякому дано почувствовать это самому и не всякій такъ счастливо нападаетъ на друга, какъ я».

Стремленіе приносить пользу, жившее съ самаго дѣтства въ Гоголѣ, находило такимъ образомъ очевидно осязательное удовлетвореніе: онъ видѣлъ, что его совѣты, его поученія и наставленія ободряютъ, укрѣпляютъ, заставляютъ людей серьезнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, разумнѣе устраивать жизнь. Онъ сталъ распространять свою учительскую дѣятельность на болѣе широкій кругъ лицъ: мать, сестры, а вслѣдъ затѣмъ и многіе знакомые (Аксаковъ, Языковъ, Анненковъ, Перовскій, Данилевскій, Погодинъ, даже Жуковскій) получали отъ него письма, удивлявшія ихъ своимъ проповѣдническимъ тономъ, своею претензіей заглядывать въ душу, руководить чужія мысли и чувства.

Въ томъ душевномъ настроеніи, въ какомъ находился въ то время Гоголь, всякія чисто матеріальныя заботы были ему особенно тяжелы. Онъ велъ самый умѣренный, простой образъ жизни, нанималъ недорогія квартиры, не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ; на одно только приходилось ему тратить много—на путешествія. Послѣ 1842 г. онъ безпрестанно мѣнялъ мѣстожительство: онъ жилъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ

Римѣ, въ Ниццѣ, во Франкфуртѣ, въ Парижѣ, въ Дюссельдорфѣ, лечился водами въ разныхъ нѣмецкихъ курортахъ, пользовался морскими купаньями въ Остенде. Эти переѣзды съ мѣста на мѣсто вызывались главнымъ образомъ слабостью его здоровья. Нѣсколько разъ повторялись съ нимъ тѣ болѣзненные припадки, на которые онъ такъ горько жаловался въ Москвѣ; ему приходилось то искать успокоенія для нервовъ въ тиши римской Via Felice, то убѣгать отъ удушливаго итальянскаго зноя, то, по совѣту врачей, укрѣплять себя купаньями. Путешествіе, по его собственному убѣжденію, самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствовало на его организмъ, и онъ прибѣгалъ къ нему всякій разъ, когда чувствовалъ себя очень дурно. А между тѣмъ въ то время, когда желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ не существовало, путешествія эти обходились очень дорого. Денежныя дѣла Гоголя находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Часть выручки за первый томъ «Мертвыхъ Душъ» шла на уплату прежде сдѣланныхъ долговъ, изданіе полнаго собранія его сочиненій встрѣчало разныя задержки. Прокоповичъ отчасти по неопытности, отчасти сбитый разнорѣчивыми указаніями, какія давалъ ему по этому поводу Гоголь въ своихъ письмахъ, повелъ дѣло непрактично. Явились разныя проволочки, препятствія, непріятныя объясненія. Печатанье стоило страшно дорого, да кромѣ того типографія напечатала больше указаннаго числа экземпляровъ и продавала контрафакцію въ свою пользу со значительной уступкой. Все это сильно волновало Гоголя: ему хотѣлось бы отрѣшиться отъ всякихъ мірскихъ заботъ, не отрываться отъ мысли о спасеніи души своей и о совершеніи подвига, назначеннаго ему самимъ Богомъ, о созданіи великаго литературнаго произведенія, а между тѣмъ денежные разсчеты и связанныя съ ними дрязги постоянно отклоняли его въ сторону Не зная, какъ помочь себѣ, онъ обратился къ своимъ московскимъ пріятелямъ—Шевыреву, Погодину и Аксакову—съ довольно странною просьбою: взять въ свои руки всѣ дѣла его по изданіямъ, получать за него всѣ причитающіяся ему деньги, а ему взамѣнъ того втеченіи трехъ лѣтъ высылать по 6000 р. ассигн. въ годъ. Этой суммы было, по его разсчету, совершенно достаточно для обезпеченія ему спокойнаго, безбѣднаго существованія, которое дастъ ему возможность и укрѣпить здоровье, и окончить «Мертвыя Души». Ни одинъ изъ корреспондентовъ его не согласился взять на себя подобнаго рода обязательство, и Гоголю пришлось опять прибѣгать къ займамъ, чтобы какъ-нибудь свести концы съ концами.

Несмотря на всѣ свои денежныя затрудненія или можетъ быть именно потому, что они слишкомъ мучили его, слишкомъ часто мѣшали ему заниматься «душой и дѣломъ душевнымъ», онъ рѣшилъ часть денегъ,выручаемыхъ отъ продажи его сочиненій,— этихъ, «выстраданныхъ», какъ онъ ихъ называлъ денегъ,—употребить на помощь ближнимъ. Въ концѣ 1844-го года онъ написалъ Плетневу въ Петербургъ и Аксакову въ Москву, прося ихъ, чтобы они больше не пересылали ему деньги, получаемыя отъ книгопродавцевъ за полное собраніе его сочиненій, а сохраняли ихъ и изъ нихъ выдавали пособія наиболѣе талантливымъ студентамъ университета, тщательно скрывая при этомъ, отъ кого именно идетъ пособіе. Эта просьба крайне удивила знакомыхъ Гоголя. Они находили нелѣпою такую филантропическую затѣю со стороны человѣка, который самъ постоянно нуждался. Смирнова, бывшая въ то время въ Петербургѣ, написала ему по этому поводу рѣзкое письмо. напоминая, что у него на рукахъ мало обезпеченная мать и сестры, что и самъ онъ не имѣетъ права морить себя голодомъ или жить въ долгъ, отдавая чужимъ свои деньги. Гоголь былъ обиженъ тѣмъ несочувствіемъ, какое встрѣтило его желаніе среди знакомыхъ, но скоро факты ясно убѣдили его въ непрактичности и даже неудобоисполнимости этого желанія. Изданіе его сочиненій распродавалось очень туго, печатанье стоило дорого, получаемыхъ денегъ едва хватало ему на жизнь, а между тѣмъ дѣла по имѣнію его матери часто запутывались, не смотря на всю ея хлопотливую дѣятельность, и, чтобы спасти Васильевку отъ продажи за невзносъ процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ, необходимо было время отъ времени посылать ей небольшія суммы.

«Вамъ бы надо было о немъ позаботиться у Царя и Царицы— писалъ Жуковскій Смирновой:—ему необходимо надо имѣть что-нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. Подумайте объ этомъ: вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ настоящей, лучшей стороны». Смирнова охотно взялась похлопотать за своего друга, и дѣйствительно Императоръ Николай Павловичъ назначилъ Гоголю по 1,000 р. сер. въ годъ на три года.

Тотъ срокъ, черезъ который Гоголь обѣщалъ вернуться въ Москву съ готовымъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», прошелъ, а никто не зналъ, въ какомъ положеніи находится его работа. На любопытные вопросы пріятелей онъ или молчалъ, или отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что «Мертвыя Души»—не блинъ, который можно

спечь, когда захотѣлъ». Очевидно трудъ подвигался впередъ медленно и это раздражало его самого. Можетъ быть вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, можетъ быть вслѣдствіе нервнаго напряженія, съ которымъ онъ поддерживалъ и развивалъ въ себѣ религіозное настроеніе,—но его непосредственное творчество, въ прежніе годы создававшее яркіе образы на канвѣ какого-нибудь случайно услышаннаго происшествія, теперь рѣдко посѣщало его. А между тѣмъ онъ не могъ оставить трудъ, который считалъ своимъ священнымъ долгомъ, своимъ подвигомъ на благо человѣчества, и онъ писалъ, недовольный собою, безпрестанно уничтожая, передѣлывая написанное. Чтобы понять, съ какимъ трудомъ и какимъ путемъ давалось ему теперь то, что̀ прежде являлось совсѣмъ легко, само собой, стоитъ прочесть письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ Языкову молитвой испрашивать себѣ у Бога вдохновенія: «Нужно, чтобы эта молитва была отъ всѣхъ силъ души нашей. Если такое постоянное напряженіе хотя на двѣ минуты въ день соблюсти впродолженіи одной или двухъ недѣль, то увидишь ея дѣйствіе непремѣнно. Къ концу этого времени въ молитвѣ окажутся прибавленія. Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей; ты просишь просто вдохновенія. На другой или на третій день ты будешь говорить просто: «Дай произвести мнѣ въ *такомъ-то* духѣ. Потомъ на четвертый или пятый: *съ такою-то силой.* Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: «Какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія и къ чему могутъ послужить?» И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ и къ концу какой-нибудь недѣли увидишь, что уже все получилось, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила, и глубокій внутренній смыслъ, словомъ — все; стоитъ только взять въ руки перо *да и писать*».

V.

Неожиданное крушеніе.

Гоголь пишетъ «Размышленія о божественной литургіи».—Онъ сжигаетъ рукопись 2-го тома «Мертвыхъ Душъ». «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».—Буря, вызванная этой книгой.—Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его переписки съ друзьями.—Дѣйствіе, произведенное на Гоголя всѣмъ этимъ погромомъ. — Путешествіе ко св. мѣстамъ.

1845-ый годъ былъ очень тяжелъ для Гоголя. Въ концѣ 1844-го года онъ, живя во Франкфуртѣ, почувствовалъ приступы болѣзни и, по своему обыкновенію лечиться путешествіемъ, отправился въ Парижъ. Тамъ ему первое время стало какъ будто лучше. Онъ жилъ въ тѣсномъ кругу своихъ друзей Віельгорскихъ и графа А. П. Толстого, каждый день ходилъ къ обѣднѣ въ русскую церковь, изучалъ чинъ литургіи съ помощью одного знатока греческаго языка, отставного учителя Бѣляева, и писалъ: «Размышленія о божественной литургіи». Но съ февраля болѣзненные припадки его усилились, и онъ опять уѣхалъ во Франкфуртъ. Къ физическимъ страданіямъ присоединялась тоска, ипохондрія. «Душа изнываетъ вся отъ страшной хандры, которую приноситъ болѣзнь,—жалуется онъ въ письмѣ къ Смирновой,—и ни души не было около меня въ продолженіе самыхъ трудныхъ минутъ, тогда какъ всякая душа человѣческая была бы подаркомъ». — «Болѣзненныя состоянія до такой степени были невыносимы, — говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,— что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лекарство и облегченіе». Страхъ смерти снова овладѣвалъ имъ. Онъ чувствовалъ, мучительно чувствовалъ, что жизнь уходитъ отъ него, что онъ умираетъ, умираетъ, ничего не сдѣлавъ великаго, полезнаго! Въ послѣдніе годы онъ, по мѣрѣ развитія религіознаго чувства, все болѣе и болѣе отрицательно относился къ своимъ литературнымъ произведеніямъ. Въ письмахъ къ Смирновой онъ высказывалъ желаніе, чтобы всѣ экземпляры его сочиненій сгорѣли; онъ говорилъ, что натворилъ въ нихъ много глупостей, что не любитъ ихъ, особенно перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Всѣ они писались подъ наитіемъ непосредственнаго творчества, безъ серьезно задуманной цѣли поучать. Передъ нимъ лежалъ почти готовый, хотя еще въ рукописи, второй томъ «Мертвыхъ Душъ», каждая строка

каждый характеръ котораго были строго обдуманы, вымолены у Бога, но и онъ не удовлетворялъ автора, готовившагося предстать на судъ Божій и отдать отчетъ въ употребленіи таланта, полученнаго отъ Бога. Съ тоскою, съ болью въ сердцѣ сжегъ онъ рукопись, принесъ ее въ жертву Богу и вдругъ, какъ только сгорѣла рукопись, новое содержаніе ея представилось уму его «въ очищенномъ, свѣтломъ видѣ, подобно фениксу изъ костра». Ему казалось, что теперь наконецъ онъ знаетъ, какъ слѣдуетъ писать, чтобы «устремить все общество къ прекрасному». А между тѣмъ болѣзненные припадки продолжались, слабость, зябкость во всѣхъ членахъ, мучительная тоска не давала приняться за работу...

Во время одного изъ такихъ болѣзненныхъ припадковъ ему пришло въ голову, что кромѣ печатныхъ сочиненій, польза которыхъ казалась ему болѣе чѣмъ сомнительной, онъ писалъ еще письма и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли несомнѣнно благотворное дѣйствіе на тѣхъ, кому были адресованы. Чтó если собрать, издать ихъ для всеобщаго назиданія? Благотворное вліяніе ихъ распространится на сотни, на тысячи, на всю массу читающаго люда... При томъ мистическомъ настроеніи, въ какомъ находился въ то время Гоголь, онъ принялъ эту мысль за внушеніе свыше. Какъ только силы позволили ему, онъ немедленно принялся за приведеніе ея въ исполненіе: онъ потребовалъ отъ знакомыхъ тѣ письма, которыя считалъ наиболѣе подходящими къ своей цѣли; нѣкоторыя изъ нихъ онъ передѣлалъ, обработалъ нѣкоторыя ранѣе написанныя статьи. Какое значеніе придавалъ онъ своему труду, видно изъ переписки его съ Плетневымъ по поводу его изданія въ свѣтъ: «Наконецъ моя просьба! —пишетъ онъ, посылая ему первую тетрадь: —Ее ты долженъ выполнить, какъ наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги подъ заглавіемъ: «*Выборныя мѣста изъ переписки съ друзьями*». Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что покамѣстъ могу сказать, все прочее объяснитъ тебѣ сама книга».

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанью книги, это нужно, нужно и для меня, и для другихъ; словомъ, нужно для общаго добра».

Назначая цѣну книги, онъ находитъ, что ее можно сдѣлать подороже, «соображая то, что ее будутъ болѣе покупать люди богатые и достаточные, а бѣдные получатъ даромъ отъ ихъ велико-

душныхъ раздачъ». Гоголь даетъ подробныя указанія, на какой бумагѣ должна печататься книга, какимъ шрифтомъ, въ какомъ форматѣ, чтобы внѣшность ея была проста и какъ можно болѣе удобна для чтенія; онъ подробно перечисляетъ, кому слѣдуетъ послать даровые экземпляры ея, начиная со всѣхъ лицъ царствующаго дома; очень боится, какъ бы цензура не испортила его произведенія; хочетъ, чтобы въ случаѣ надобности Смирнова представила книгу на усмотрѣніе Государя, который несомнѣнно найдетъ, что это дѣло вполнѣ полезное, требующее поддержки и поощренія. Онъ былъ убѣжденъ, что его книга встрѣтитъ общее сочувствіе, что она разсѣетъ недоумѣніе и разные нелестные слухи, ходившіе о немъ въ литературныхъ кругахъ вслѣдствіе страннаго мистико-учительскаго тона нѣкоторыхъ его писемъ, что она создастъ ему настоящую, прочную славу, что она явится тѣмъ общеполезнымъ дѣломъ, о которомъ онъ постоянно мечталъ.

Между тѣмъ какъ Гоголь, вдали отъ Россіи, ставилъ на первый планъ свое собственное нравственное усовершенствованіе и, собираясь выступить въ роли моралиста-проповѣдника, отрицательно относился ко всѣмъ своимъ предшествовавшимъ произведеніямъ, произведенія эти пріобрѣтали все болѣе и болѣе сторонниковъ, создавали автору ихъ первенствующее положеніе въ литературѣ. Онъ становился родоначальникомъ такъ называемой натуральной школы; вся читавшая и мыслившая Россія съ нетерпѣніемъ ждала продолженія его «Мертвыхъ Душъ», первый томъ которыхъ завоевывалъ себѣ все болѣе обширный кругъ читателей и поклонниковъ. Нѣкоторые намеки въ письмахъ Гоголя понимались его знакомыми въ томъ смыслѣ, что второй томъ «Мертвыхъ Душъ» уже готовъ къ печати. Каково же было удивленіе Плетнева, когда вмѣсто этого ему принесли тоненькую первую тетрадь «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» и письмо Гоголя, въ которомъ онъ проситъ печатать это произведеніе втайнѣ, въ мало извѣстной типографіи, и не говорить о немъ никому изъ знакомыхъ. Не смотря на стараніе Плетнева исполнить странную просьбу пріятеля, тайна разгласилась и, прежде чѣмъ книга вышла въ свѣтъ, о ней уже говорили въ литературныхъ кругахъ, она вызывала недоумѣніе, изумленіе, негодованіе.

Такое же впечатлѣніе произвели и три небольшія произведенія Гоголя, надъ которыми онъ трудился въ то же время и которыя онъ отправилъ въ Россію черезъ нѣсколько дней послѣ «Выбранныхъ мѣстъ», а именно: «Предисловіе ко 2 изд. «Мертвыхъ

Душъ», гдѣ онъ сознается, что многое въ его книгѣ написано невѣрно, и проситъ читателей присылать ему свои критическія замѣчанія и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказы о разныхъ извѣстныхъ имъ происшествіяхъ и личностяхъ; «Развязка Ревизора», придающая всей пьесѣ характеръ какой-то странной аллегоріи, и «Предувѣдомленіе», въ которомъ объявляется, что 4 и 5 изданія «Ревизора» продаются въ пользу бѣдныхъ и назначаются лица, которыя будутъ завѣдывать раздачей пособій неимущимъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Негодованіе было, можно сказать, общее; на немъ опять таки сошлись всѣ главныя литературныя партіи. И славянофилы, и западники нашли въ «Перепискѣ» мысли и выраженія, оскорблявшія самыя святыя убѣжденія ихъ; люди, возмущавшіеся многими безобразными явленіями современной жизни, негодовали на спокойно примирительное, даже сочувственное отношеніе къ нимъ автора; смиреніе, съ какимъ онъ говорилъ о собственномъ ничтожествѣ и о слабости всѣхъ своихъ предшествовавшихъ произведеній, казалось маской, прикрывавшей высочайшее самомнѣніе; проповѣдническій рѣзко-обличительный тонъ нѣкоторыхъ страницъ поражалъ своимъ высокомѣріемъ, самое религіозное настроеніе автора возбуждало сомнѣніе, обвиненіе въ неискренности, въ какихъ-то практическихъ разсчетахъ.

Изъ Петербурга и Москвы посыпался на Гоголя цѣлый градъ писемъ съ вопросами, съ выраженіями удивленія, съ упреками, съ криками негодованія. Даже лица, которыя соглашались съ большинствомъ основныхъ положеній его книги (Жуковскій, Плетневъ, кн. Вяземскій, Вигель и пр.), возставали противъ ея рѣзкости, угловатости, противъ ея заносчиваго тона.

С. Т. Аксаковъ убѣждалъ Плетнева и Шевырева не печатать послѣднихъ произведеній Гоголя, такъ какъ «все это ложь, дичь и нелѣпость, и если будетъ обнародована, то сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи». Самому Гоголю онъ писалъ: «Если вы желали произвести шумъ, желали, чтобы высказались и хвалители, и порицатели ваши, которые теперь отчасти перемѣнились мѣстами, то вы вполнѣ достигли своей цѣли. Если это была съ вашей стороны шутка, то успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: все одурачено! Противники и защитники представляютъ безконечно-разнообразный рядъ комическихъ явленій... Но, увы! нельзя мнѣ обмануть себя: вы искренно подумали, что призваніе ваше состоитъ въ возвѣщеніи людямъ высокихъ нравственныхъ истинъ въ формѣ разсужденій и поученій, которыхъ образчикъ со-

держится въ вашей книгѣ... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога, и человѣка. Еслибъ эту книгу написалъ обыкновенный писатель—Богъ бы съ нимъ! Но книга написана вами; въ ней блещетъ мѣстами прежній, могучій талантъ вашъ, и потому книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій. О, недобрый былъ тотъ день и часъ, когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій! Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство—измѣна ему».

Въ печати явились статьи, строго осуждавшія «Выбранныя мѣста». Въ «Современникѣ» Бѣлинскій энергично протестовалъ противъ идей, выраженныхъ авторомъ, противъ отреченія его отъ прежнихъ произведеній, противъ догматическаго тона, какимъ проникнута его книга. Гоголь не былъ близко знакомъ съ Бѣлинскимъ, но зналъ и цѣнилъ его мнѣнія о своихъ первыхъ произведеніяхъ и не могъ отнестись равнодушно къ его нападкамъ. «Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ въ № 2 «Современника»,—писалъ онъ ему,—не потому, чтобы мнѣ было прискорбно униженіе, въ которомъ вы меня хотѣли поставить на виду всѣхъ, но потому, что въ ней слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, нелюбившаго даже меня, тѣмъ болѣе васъ, о которомъ я думаю, какъ о человѣкѣ, меня любящемъ. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги; какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до одного въ Россіи, этого покуда я еще не могу понять; восточные, западные и нейтральные—всѣ огорчились. Это правда: я имѣлъ въ виду небольшой щелчокъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, испытавши надобности его на собственной кожѣ (всѣмъ намъ нужно побольше смиренія). Но я не думалъ, чтобы щелчокъ мой вышелъ такъ грубъ, неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ, и что въ книгѣ моей зародышъ всеобщаго примиренія, а не раздора». Бѣлинскій лежалъ больной въ Зальцбрунѣ, ког-

получилъ это письмо Гоголя. Оно еще болѣе усилило негодованіе его противъ автора «Переписки». Смиренно-заносчивый тонъ письма, сведеніе всего дѣла какъ бы на личную почву, игнорированье тѣхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ, на неправильное пониманіе которыхъ онъ намекалъ въ статьѣ своей,—все это возмутило его до глубины души. Слабый, полуумирающій, онъ съ лихорадочнымъ возбужденіемъ взялся за перо и написалъ длинное отвѣтное письмо, въ которомъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ указывалъ Гоголю вредоносное значеніе идей, проводимыхъ имъ въ его «Перепискѣ».

«Вы только отчасти правы,—писалъ онъ между прочимъ,—увидѣвъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка; этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы совсѣмъ не правы, приписавъ это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства. Нельзя промолчать, когда проповѣдываютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хотя на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія вашего духа, потерявъ право на такую любовь».

«Я думаю, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ своей фантастической книгѣ; но это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ смотрѣли на Россію изъ вашего прекраснаго далека».—«Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные со здравымъ смысломъ и справедливостью и строгое по возможности выполненіе ихъ».

«Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права и отмѣна тѣлеснаго нака-

занія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это время великій писатель, который дивно художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, какъ будто въ зеркалѣ, явился съ книгою, которою учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами».—Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣ возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись духомъ Христова ученія, совсѣмъ не то писали бы вы къ вашему адепту изъ помѣщиковъ; вы бы писали ему, что «такъ какъ крестьяне его братья по Христу и такъ какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ дать имъ свободу или, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ къ нимъ положеніи».—«И такая-то книга можетъ быть результатомъ труднаго внутренняго прогресса, высокаго духовнаго просвѣщенія? Не можетъ быть!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ правъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!»—«Вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вы должны съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжелый грѣхъ ея изданія искупить новыми твореніями, которыя напомнили бы ваши прежнія».

* * *

Неожиданное впечатлѣніе, произведенное «Выбранными мѣстами», поразило, ошеломило Гоголя. Такъ внезапно быть свергнутымъ съ того пьедестала, на который онъ ставилъ себя и свое произведеніе — это было ужасно! Онъ пробовалъ утѣшать себя мыслью, что въ этомъ виновата главнымъ образомъ цензура, что, не пропустивъ нѣкоторыя его статьи, сокративъ другія, она лишила книгу ея цѣлости, сдѣлала цѣль и намѣренія ея не довольно ясными. Онъ усиленно хлопоталъ о возстановленіи пропущенныхъ мѣстъ, надѣясь на вмѣшательство верховной власти и на то, что

книга въ полномъ своемъ объемѣ разсѣетъ всѣ недоразумѣнія. При первыхъ нападкахъ онъ крѣпился и отвѣчалъ довольно благодушно, увѣряя, что радъ имъ, что любитъ слышать себѣ осужденіе, даже самое жесткое, что оно показываетъ ему съ одной стороны его самого, съ другой—читателей. Но время шло: многіе прочли въ рукописи мѣста, непропущенныя цензурой, и это нисколько не заставило ихъ смягчить своихъ приговоровъ, а приговоры эти были жестоки.

«Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ»,—жалуется онъ въ своей «Авторской Исповѣди».

Письмо Бѣлинскаго произвело сильное впечатлѣніе на Гоголя. Онъ написалъ на него два отвѣта, изъ которыхъ одинъ только дошелъ по назначенію, и этотъ одинъ свидѣтельствуетъ о сильномъ упадкѣ духа: «Я не могъ отвѣчать на ваше письмо,—говоритъ онъ. — Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе еще прежде, нежели я получилъ ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ быть въ вашихъ словахъ есть часть правды». Онъ недоумѣваетъ, почему многіе умные и благородные люди высказываютъ противорѣчивыя мнѣнія о его книгѣ, и убѣждается въ одномъ только, что не знаетъ Россіи, что многое въ ней измѣнилось, и что онъ не можетъ ничего больше писать «до тѣхъ поръ, покуда, пріѣхавши въ Россію, не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками».

Другой отвѣтъ Гоголя Бѣлинскому написанъ имъ только начерно и найденъ въ его бумагахъ разорваннымъ. Онъ гораздо длиннѣе и отличается совершенно инымъ характеромъ: «Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо,—такъ начинаетъ Гоголь,—если не съ вашихъ же словъ: опомнитесь, вы стоите на краю бездны! Какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу!» Далѣе онъ обвиняетъ Бѣлинскаго въ томъ, что тотъ отклонился отъ своего пря-

мого призванія—«показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманія всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ дѣйствовать на ихъ души»; жалѣетъ, что онъ вдался «въ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго ума теряется»; находитъ, что, упрекая его въ незнаніи Россіи и русскаго общества, Бѣлинскій и самъ ничѣмъ не доказалъ этого знанія, да и не могъ пріобрѣсти его, «живя почти безъ прикосновенія съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника». Особенно возмутилъ Гоголя высказанный въ письмѣ Бѣлинскаго намекъ на практическія выгоды, какія можетъ принести исповѣданіе идей, высказываемыхъ въ «Перепискѣ». «Я попалъ въ излишества,—сознается онъ,—но я этого даже не замѣтилъ. Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, тѣмъ болѣе теперь, когда мнѣ пора подумать о смерти. Это не въ моей натурѣ. Вспомнили бы вы, по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и что я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобы легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца».

Откровенности, строгихъ замѣчаній, осужденій просилъ и требовалъ Гоголь отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ послѣ изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Но теперь, когда эти замѣчанія превратились въ ѣдкія нападенія, въ жесткіе упреки, онъ былъ подавленъ ими: «Ради самого Христа,—писалъ онъ къ Аксакову въ іюлѣ 1847 г., прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадающей душѣ, изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съума отъ всей этой безтолковщины! этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ

всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями. Тутъ все изнемогаетъ, чтó ни есть въ тебѣ».

Тяжело было Гоголю перенести бурю, вызванную его книгой, нô она послужила ему на пользу. Она заставила его построже оглянуться на себя, сойти съ той проповѣднической каѳедры, на которую онъ вознесъ себя съ помощью своихъ восторженныхъ поклонниковъ и поклонницъ, заставила его не съ напускнымъ, а съ дѣйствительнымъ смиреніемъ сознаться, что слишкомъ самонадѣянно вздумалъ онъ учить другихъ, когда, по собственному признанію, еще самъ не успѣлъ «состроиться». Въ письмахъ, писанныхъ имъ послѣ 1847 года, замѣтно гораздо меньше дидактически-наставническаго тона, гораздо больше сердечности и задушевности, чѣмъ въ предшествовавшіе три, четыре года. «Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее»,—сознавался отъ Жуковскому. Кромѣ того изъ полученныхъ замѣчаній и возраженій онъ увидѣлъ, что былъ не правъ, настаивая исключительно на нравственномъ совершенствованіи отдѣльныхъ личностей и вполнѣ игнорируя общественные вопросы, что въ обществѣ является интересъ къ этимъ, какъ онъ называлъ, государственнымъ вопросамъ и что художественное произведеніе, не затрогивающее ихъ, не можетъ пользоваться вліяніемъ.

Религіозное чувство помогло Гоголю перенести удары, неожиданно обрушившіеся на него, но между тѣмъ положеніе его было ужасно: кромѣ осужденій, направленныхъ противъ его личности, онъ слышалъ толки, что талантъ его погибъ, что онъ отказывается отъ писательской дѣятельности, и минутами ему казалось, что это можетъ быть справедливо... Второй томъ «Мертвыхъ Душъ» былъ сожженъ; въ умѣ его мелькалъ общій планъ перестройки его, но творчество давно уже не посѣщало его, да и матеріаловъ для постройки у него не было. Все, что ему сообщали о Россіи знакомые, навѣщавшіе его заграницей, касалось или литературнаго міра, или столичныхъ аристократическихъ и правительственныхъ круговъ, а не тѣхъ провинціальныхъ захолустьевъ гдѣ жили и дѣйствовали его герои. Онъ много разъ обращался къ своимъ пріятелямъ и знакомымъ въ разные города, упрашивая ихъ описывать ему всякія случающіяся тамъ происшествія и давать подробныя характеристики, какъ наружныхъ, такъ и нравственныхъ свойствъ всѣхъ лицъ, съ которыми они вступали въ сношенія; но всѣ эти просьбы оставались безъ исполненія: опи-

сывать маловажныя происшествія казалось его корреспондентамъ скучнымъ и безцѣльнымъ, а составлять живыя характеристики—далеко не легкимъ дѣломъ. Гоголь видѣлъ, что прежде всего ему необходимо узнать Россію, а узнать ее можно только—самому поѣздивъ по ней, поживъ въ ней. Чтобы имѣть возможность жить на родинѣ, онъ готовъ былъ взять какое-нибудь мѣсто на государственной службѣ, хоть самое скромное, но которое давало бы ему возможность наблюдать, собирать матеріалъ и писать не торопясь, когда творческая сила снова явится. Тотъ тяжелый кризисъ, который ему приходилось переживать въ это время, заставилъ его снова вернуться къ давно лелѣянному плану путешествія въ Іерусалимъ. Прежде онъ думалъ предпринять это путешествіе по окончаніи своего большого произведенія, теперь онъ чувствовалъ, что не можетъ приняться ни за какое дѣло, пока не свершитъ его. Тамъ, у гроба Господня, должна была снизойти на него благодать, которая очиститъ душу его, разрѣшитъ всѣ его сомнѣнія и колебанія, покажетъ ему его путь...

О томъ, какое значеніе придавалъ онъ этому путешествію, можно заключить по всѣмъ его письмамъ того времени. Всѣхъ своихъ знакомыхъ, которыхъ онъ зналъ за людей благочестивыхъ, онъ упрашивалъ помолиться, чтобы Богъ сподобилъ его достойно свершить этотъ подвигъ; мать свою просилъ не выѣзжать изъ Васильевки и молиться о немъ именно тамъ; онъ сочинилъ даже особаго рода молитву, которую должны были произносить молящіеся о немъ. Самъ онъ всѣми силами старался держаться на высотѣ религіознаго настроенія, чтобы достойно поклониться гробу Христа Спасителя и «со дня этого поклоненія повсюду носить въ своемъ сердцѣ образъ Христа», чтобы «возстать отъ св. гроба съ обновленными силами, съ духомъ бодрымъ и освѣженнымъ возвратиться къ дѣлу и труду своему на добро землѣ своей».

Въ концѣ 1847 г. Гоголь перебрался въ Неаполь, а оттуда въ январѣ 1848 г. сѣлъ на корабль, который долженъ былъ привезти его черезъ Мальту въ Яфу. Страхъ и тревога наполняли сердце его; никто изъ знакомыхъ не ѣхалъ съ нимъ, онъ былъ одинъ среди чужихъ, а при слабости его здоровья, при его мнительности это усиливало его волненіе. Онъ принималъ это волненіе за доказательство слабости своей вѣры и вдвойнѣ страдалъ отъ него. Морская болѣзнь страшно измучила его, и онъ чуть живой высадился на берегъ. Сухопутное путешествіе ему пришлось сдѣлать въ сопровожденіи своего бывшаго товарища по Нѣжину, за-

нимавшаго мѣсто русскаго консула въ Сиріи, но это не устранило неудобствъ пути: приходилось переносить и утомленіе, и зной пустыни, и жажду. Трудности перенесеннаго пути естественно отразились па расположеніи духа Гоголя. Тотъ поэтическій ореолъ, которымъ онъ осѣнялъ св. мѣста поклоненія, померкъ передъ прозаической обстановкой, на самомъ дѣлѣ окружавшей ихъ, передъ массою мелкихъ непріятностей и дрязгъ, какія приходилось преодолѣть прежде, чѣмъ достигнуть ихъ. Онъ такъ давно, въ такихъ яркихъ краскахъ представлялъ себѣ минуту, когда преклонитъ колѣна у св. гроба и благодать Божія осѣнитъ, очиститъ его, что дѣйствительность не могла не оказаться ниже его ожиданій. «Еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима, — говоритъ онъ.—У гроба Господня я былъ какъ будто затѣмъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ холода сердечнаго, какъ много себялюбія и самолюбія». Въ отвѣтъ на просьбу Жуковскаго сообщить ему всѣ подробности путешествія по Палестинѣ, онъ писалъ ему: «Всякій простой русскій человѣкъ, даже русскій мужичекъ, если только онъ съ трепетомъ вѣрующаго сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку св. земли, можетъ разсказать тебѣ болѣе всего того, что тебѣ нужно. Мое путешествіе въ Палестину точно было совершено мною за тѣмъ, чтобы узнать лично и какъ бы узрѣть собственными глазами, какъ велика черствость моего сердца... Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился причаститься отъ св. тайнъ, стоявшихъ на самомъ гробѣ вмѣсто алтаря, и при всемъ томъ я не сталъ лучшимъ. Что могутъ доставить тебѣ мои сонныя впечатлѣнія? Гдѣ-то въ Самаріи сорвалъ я полевой цвѣтокъ, гдѣ-то въ Галилеѣ—другой, въ Назаретѣ, застигнутый дождемъ, просидѣлъ два дня, позабывъ, что сижу въ Назаретѣ, точно какъ бы это случилось въ Россіи на станціи».

Дѣйствительность не соотвѣтствовала мечтѣ поэта. Чудо, котораго онъ такъ страстно умаливалъ у Бога, не свершилось, но напрасно обвинялъ онъ себя въ черствости: «Блеститъ вдали какой-то лучъ спасенья»—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—святое слово—любовь. Мнѣ кажется, какъ будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде».

VI.

Печальный конецъ.

Лѣто въ деревнѣ. — Гоголь принимается съизнова за 2-й томъ «Мертвыхъ Душъ» и заканчиваетъ его вчернѣ. — Переѣздъ въ Москву.—Чтеніе первыхъ главъ въ семьѣ Аксаковыхъ и общій восторгъ.—Постоянныя передѣлки рукописи.—Гоголя охватываетъ «страхъ смерти».—Вторичное сожженіе рукописи.—Смерть Гоголя.

Изъ Іерусалима Гоголь черезъ Константинополь и Одессу проѣхалъ въ Малороссію и провелъ конецъ весны и все лѣто въ Васильевкѣ съ матерью и сестрами. Это было тревожное лѣто; революціонныя движенія въ разныхъ частяхъ Европы отразились въ Россіи съ одной стороны смутнымъ броженіемъ умовъ, съ другой—строгими мѣрами правительства къ охраненію порядка. Къ этому присоединилась холера, свирѣпствовавшая въ столицахъ и многихъ мѣстностяхъ государства и наводившая паническій ужасъ на населеніе. О политическихъ событіяхъ Гоголь узнавалъ только изъ отрывочныхъ извѣстій газетъ, случайно попадавшихъ въ Васильевку, да изъ осторожныхъ писемъ своихъ столичныхъ знакомыхъ; холеру же онъ видѣлъ вокругъ себя и въ Полтавѣ, и въ окрестностяхъ Васильевки.

Вообще тѣ картины, которыя ему пришлось встрѣтить на родинѣ, были не отраднаго свойства: домикъ, въ которомъ жила его мать съ сестрами, приходилъ въ разрушеніе; хозяйство въ имѣніи велось неумѣлою рукою, плохой урожай грозилъ голодомъ, всюду бѣдность, болѣзни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что родные часто видѣли его грустнымъ, задумчивымъ, разсѣяннымъ.

Онъ помѣщался въ маленькомъ флигелькѣ, выходившемъ въ садъ, и уединялся туда на все утро, пытаясь заниматься литературной работой: «Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ всеобщаго разрушенія—это уже есть подвигъ всякаго честнаго человѣка»,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ. Второй томъ «Мертвыхъ Душъ» былъ тою «гражданскою обязанностью», тою «службою государству», за которую онъ снова принялся, освѣживъ силы путешествіемъ. Работа его туго подвигалась впередъ, сильные жары изнуряли его, все, что ему приходилось видѣть и слышать, болѣзненно дѣйствовало на его нервы. Большую часть дня

проводилъ онъ не за письменнымъ столомъ, а въ полѣ, въ саду, вникая во всѣ мелочи хозяйства, всѣхъ разспрашивая, всѣмъ интересуясь: «На все дывытця та въ усему кохаетця»—разсказывалъ о немъ впослѣдствіи одинъ старый пастухъ. Онъ рисовалъ планъ новаго господскаго дома въ Васильевкѣ, сажалъ деревья въ саду, составлялъ для матери узоры ковровъ, которые ткали ея крѣпостныя мастерицы, съ наслажденіемъ слушалъ, какъ сестры пѣли малороссійскія пѣсни.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Гоголь оставилъ Васильевку и переѣхалъ въ Москву. Семейство Аксаковыхъ и весь ихъ кружокъ приняли его съ прежнимъ дружелюбіемъ. Недоразумѣнія, вызванныя «Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями», были забыты, и Гоголь сталъ опять своимъ человѣкомъ у Аксаковыхъ. Почти всѣ вечера проводилъ онъ у нихъ и очень часто читалъ имъ что-нибудь вслухъ: или русскія пѣсни, или «Одиссею» въ переводѣ Жуковскаго. «Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью»,—говорилъ онъ. Въ то же время онъ не оставлялъ и «Мертвыхъ Душъ». Судя по нѣкоторымъ намекамъ въ его письмахъ, работа его подвигалась не дурно; вѣроятно къ концу зимы весь второй томъ былъ готовъ вчернѣ, и послѣ этого онъ сталъ заниматься уже чистовой отдѣлкой и передѣлкой каждой главы. Общество онъ посѣщалъ мало. Въ большихъ собраніяхъ былъ молчаливъ, разсѣянъ, угрюмъ. Философскіе и общественные вопросы, волновавшіе въ то время умы, были ему не по душѣ. Онъ вздыхалъ по литературнымъ кружкамъ временъ Пушкина и своей молодости,—по тѣмъ кружкамъ, въ которыхъ литературныя произведенія разбирались главнымъ образомъ съ эстетической точки зрѣнія, гдѣ объ общихъ вопросахъ почти не заходило рѣчи, гдѣ, вмѣсто туманныхъ разсужденій, разсказывались остроумные анекдоты, гдѣ безобразныя явленія окружающей дѣйствительности вызывали ѣдкую эпиграмму или безобидный смѣхъ.

«Время настало сумасшедшее,—писалъ онъ Жуковскому.— Умнѣйшіе люди завираются и набалтываютъ кучи глупостей». Холодность, съ какою публика отнеслась къ «Одиссеѣ» Жуковскаго, возмущала его, казалась ему признакомъ отсутствія вкуса, умственнаго безсилія общества, и онъ находилъ, что ему нечего торопиться съ окончаніемъ «Мертвыхъ Душъ», такъ какъ современные ему люди не годятся въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. «Никакія рецензіи не въ силахъ

засадить нынѣшнее поколѣніе, *обмороченное политическими броженіями*, за чтеніе свѣтлое и успокоивающее душу».

Лѣто 1849 г. Гоголь провелъ у Смирновой сначала въ деревнѣ, затѣмъ въ Калугѣ, гдѣ Н. М. Смирновъ былъ губернаторомъ. Тамъ онъ въ первый разъ прочелъ нѣсколько главъ изъ второго тома «Мертвыхъ Душъ». Первыя двѣ главы были совершенно отдѣланы и являлись совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ мы читаемъ ихъ теперь. Александра Осиповна помнила, что первая глава начиналась торжественнымъ лирическимъ вступленіемъ, вродѣ той страницы, какою заканчивается первый томъ; далѣе ее поразило необыкновенно живое описаніе чувствъ Тентетникова послѣ согласія генерала на его бракъ съ Уленькой, а въ послѣдующихъ семи главахъ, еще требовавшихъ, по словамъ Гоголя, значительной переработки, ей понравился романъ свѣтской красавицы, которая провела молодость при дворѣ, скучаетъ въ провинціи и влюбляется въ Платонова, также скучающаго отъ ничего недѣланья. Въ Калугѣ Гоголь не оставлялъ своей литературной работы и все утро проводилъ съ перомъ въ рукѣ, запершись у себя во флигелѣ. Очевидно, творческая способность, на время измѣнившая ему, отчасти вслѣдствіе физическихъ страданій, отчасти вслѣдствіе того болѣзненнаго направленія, какое приняло его религіозное чувство, снова вернулась къ нему послѣ его путешествія въ Іерусалимъ. О томъ, какою живостью и непосредственностью обладало въ то время его творчество, можно судить по небольшому разсказу князя Д. Оболенскаго, ѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Калуги въ Москву. Гоголь сильно заботился о портфелѣ, въ которомъ лежали тетради второго тома «Мертвыхъ Душъ», и не успокоился, пока не уложилъ ихъ въ самое безопасное мѣсто дормёза. «Къ утру мы остановились на станціи пить чай,—разсказываетъ Оболенскій.—Выходя изъ кареты, Гоголь вытащилъ портфель и понесъ его съ собою; это дѣлалъ онъ всякій разъ, какъ мы останавливались. Веселое расположеніе духа не оставляло Гоголя. На станціи я нашелъ штрафную книгу и прочелъ въ ней довольно смѣшную жалобу какого-то господина. Выслушавъ ее, Гоголь спросилъ меня: «А какъ вы думаете, кто этотъ господинъ? Какихъ свойствъ и характера человѣкъ?» — «А вотъ я вамъ разскажу».—И тутъ же началъ самымъ смѣшнымъ и оригинальнымъ образомъ описывать мнѣ сперва наружность этого господина, потомъ разсказалъ всю его служебную карьеру, представляя даже въ лицахъ нѣкоторые эпизоды его жизни. Помню

что я хохоталъ, какъ сумасшедшій, а онъ все это выдѣлывалъ совершенно серьезно.

Осенью того же года Гоголь гостилъ въ подмосковной у Аксаковыхъ и тамъ опять читалъ первую главу второго тома «Мертвыхъ Душъ». Вотъ какъ разсказываетъ Сергѣй Тимофеевичъ объ этомъ чтеніи: «18-го вечеромъ Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ: «Да не прочесть ли намъ главу «Мертвыхъ Душъ». Сынъ мой, Константинъ, даже всталъ, чтобы принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки, но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ: «Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ второго.» И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь. Не могу выразить, что сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу и Гоголь прочелъ 1-ую главу второго тома «Мертвыхъ Душъ». Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ въ свою комнату, потому что прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ».

На просьбы Аксаковыхъ прочесть и слѣдующія главы Гоголь отозвался, что онѣ еще не готовы, что въ нихъ многое надобно измѣнить. За это измѣненіе онъ и принялся по возвращеніи въ Москву. Въ началѣ слѣдующаго года онъ еще разъ прочелъ Аксаковымъ первую главу, и они были поражены удивленіемъ: глава показалась имъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ: «Вотъ что значитъ, когда живописецъ даетъ послѣдній тушь своей картинѣ. Поправки повидимому самыя ничтожныя: тамъ одно словцо убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено—и все выходитъ другое. Тогда надо печатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы». Оказалось, что онъ воспользовался всѣми замѣчаніями, какія Сергѣй Тимофеевичъ сдѣлалъ ему послѣ перваго чтенія. Вторая глава привела Аксакова въ положительный восторгъ. Онъ находилъ, что она еще выше и глубже первой, что Гоголь можетъ выполнить ту свою задачу, о которой самонадѣянно говорилъ въ первомъ томѣ. Втеченіи зимы Гоголь прочелъ 3-ю и 4-ю главы

также однимъ только Аксаковымъ. Очевидно, весь томъ былъ у него готовъ вчернѣ, но онъ находилъ его не достаточно обработаннымъ и отдѣлывалъ его тщательно по главамъ и частямъ. Въ то же время онъ продолжалъ много читать, интересуясь преимущественно тѣми сочиненіями, въ которыхъ описывалась Россія и какія либо стороны жизни въ Россіи.

Зима 1849—50 г. не прошла для здоровья поэта такъ благополучно, какъ предшествовавшая. Онъ сильно страдалъ отъ холода, опять явился у него упадокъ силъ, зябкость, нервность, опять тянуло его погрѣться на южномъ солнцѣ. Но теперь онъ уже твердо рѣшилъ не покидать Россію и намѣревался провести слѣдующую зиму въ Одессѣ. Весной онъ отправился вмѣстѣ со своимъ знакомымъ профессоромъ кіевскаго университета Максимовичемъ въ Малороссію на долгихъ. Ѣзда на почтовыхъ казалась Гоголю слишкомъ дорогою, да и кромѣ того путешествіе на долгихъ было для него какъ бы началомъ осуществленія его давнишняго плана: онъ хотѣлъ объѣздить всю Россію по проселочнымъ дорогамъ отъ монастыря къ монастырю, останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Отъ Москвы до Глухова они ѣхали 12 дней; по дорогѣ заѣзжали къ знакомымъ и въ монастыри, гдѣ Гоголь молился съ большимъ умиленіемъ; въ селахъ заслушивались деревенскихъ пѣсенъ; въ лѣсу выходили изъ экипажа и собирали травы и цвѣты для одной изъ сестеръ Гоголя, занимавшейся ботаникой.

Лѣто Гоголь провелъ въ Васильевкѣ, опять въ кругу родныхъ, въ заботахъ о садѣ и новомъ домѣ; осенью жилъ въ Москвѣ, а на зиму перебрался въ Одессу. Здоровье его было все время довольно плохо: лѣтніе жары разслабляли его, зима, даже въ Одессѣ, казалась ему не достаточно теплой, онъ жаловался на морской вѣтеръ, на невозможность согрѣться. Впрочемъ работа его подвигалась, и онъ уже началъ въ письмахъ намекать на скорое окончаніе ея. Изъ Одессы онъ писалъ Шевыреву, что слѣдуетъ предпринять 2-е изданіе его сочиненій, такъ какъ послѣ выхода 2-го тома «Мертвыхъ Душъ» на нихъ явится спросъ, а, поздравляя Жуковскаго съ новымъ 1851-мъ годомъ, онъ говоритъ ему: «Работа идетъ съ прежнимъ постоянствомъ и хоть еще не окончена, но уже близка къ окончанію.—Покуда писатель молодъ, онъ пишетъ много и скоро. Воображеніе подталкиваетъ его безпрерывно; онъ творитъ, строитъ очаровательные воздушные замки, и немудрено, что писанью, какъ и замкамъ нѣтъ конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметомъ и дѣло

касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоинствѣ, въ какомъ она должна быть и можетъ быть на землѣ и въ какомъ она есть покуда въ немногихъ избранныхъ и лучшихъ, тутъ воображенье не много подвинетъ писателя, нужно добывать съ боя всякую черту».

Проведя весну въ Васильевкѣ, Гоголь, не смотря на сильные жары, вернулся среди лѣта въ Москву съ тѣмъ, чтобы скорѣе приступить къ печатанью своего произведенія. Но чѣмъ больше перечитывалъ и переправлялъ онъ его, тѣмъ болѣе оставался недоволенъ разными частностями, тѣмъ болѣе считалъ передѣлки необходимыми. Въ октябрѣ 1851-го года онъ даже сказалъ женѣ Сергѣя Тимофеевича Аксакова, что не стоитъ печатать второй томъ, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать. Впрочемъ, подобныя мысли являлись у него очевидно рѣдко, въ минуты отчаянія и особеннаго недовольства собою. Вообще же онъ аккуратно каждый день проводилъ нѣсколько часовъ за своимъ письменнымъ столомъ, подготовляя къ печати какъ полное собраніе своихъ сочиненій, такъ и второй томъ «Мертвыхъ Душъ».

До сихъ поръ осталось невыясненнымъ къ чему клонились тѣ безконечныя поправки, которымъ онъ подвергалъ свои «Мертвыя Души». Подсказывало ли ему болѣе зрѣлое художническое чутье, что его добродѣтельные герои, его Костанжогло, Муразовъ, генералъ-губернаторъ не «состроены изъ такого же тѣла, какъ и мы», что это лица выдуманныя, что «мертво и холодно все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ правда»; или можетъ быть въ припадкахъ религіознаго самобичеванія онъ отвергалъ великое значеніе своего художественнаго таланта и силился сочинить образцы добродѣтели, которые должны были послужить назидательнымъ примѣромъ для современниковъ и для потомства. Во всякомъ случаѣ онъ работалъ много и серьезно: въ душѣ его часто происходила тяжелая борьба между художникомъ и піэтистомъ, и борьба эта подъ конецъ сломила его отъ природы слабый организмъ.

То религіозное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ предпринималъ путешествіе въ Іерусалимъ, не покидало его. Онъ не говорилъ о немъ съ людьми равнодушными къ религіознымъ вопросамъ, но оно явно сказывалось во всѣхъ его письмахъ къ матери, къ сестрамъ и къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ считалъ одинаковыхъ съ собою убѣжденій. Онъ усердно читалъ Четіи-Минеи и

разныя книги духовнаго содержанія, любилъ посѣщать монастыри, со слезами молился въ церквахъ...

* * *

Зиму 1851—52 г. онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, часто жаловался на слабость, на разстройство нервовъ, на припадки тоски, но никто изъ знакомыхъ не придавалъ этому значенія, всѣ знали, что онъ мнителенъ, и давно привыкли къ его жалобамъ на разныя болѣзни. Въ кругу близкихъ пріятелей, въ тѣхъ домахъ, куда онъ могъ приходить «безъ фрака», онъ былъ иногда попрежнему веселъ и шутливъ, охотно читалъ свои и чужія произведенія, напѣвалъ своимъ «козлинымъ»,—какъ самъ онъ называлъ,—голосомъ малороссійскія пѣсни и съ наслажденіемъ слушалъ, когда ихъ пѣли хорошо. Къ веснѣ онъ предполагалъ уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ свою родную Васильевку, чтобы тамъ укрѣпиться въ силахъ, и обѣщалъ пріятелю своему Данилевскому привезти ему уже совсѣмъ готовый второй томъ «Мертвыхъ Душъ».

Въ концѣ января 1852 года умерла жена Хомякова, урожденная Языкова, сестра поэта, съ которымъ Гоголь былъ очень друженъ. Гоголь всегда любилъ и высоко цѣнилъ ее, называя одною изъ достойнѣйшихъ женщинъ. Ея почти скоропостижная смерть (она болѣла очень недолго) сильно потрясла его. Къ естественной горести объ утратѣ близкаго человѣка у него примѣшивался ужасъ передъ открытой могилой. Его охватилъ тотъ мучительный «страхъ смерти», который онъ испытывалъ не разъ и прежде. Онъ признался въ немъ своему духовнику, и тотъ старался успокоить его, но напрасно. На масляной Гоголь началъ говѣть и прекратилъ всѣ свои литературныя занятія; у знакомыхъ онъ бывалъ и казался спокойнымъ, только всѣ замѣчали, что онъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Всѣ эти дни онъ не ѣлъ ничего, кромѣ просвиры, а въ четвергъ—исповѣдывался у своего духовника въ отдаленной части города и причастился. Передъ принятіемъ св. даровъ Гоголь молился, обливаясь слезами. Священникъ замѣтилъ, что онъ очень слабъ, еле держится на ногахъ. Несмотря на то, онъ вечеромъ опять пріѣхалъ къ нему и просилъ отслужить благодарственный молебенъ. Во все время говѣнья онъ проводилъ ночи безъ сна на молитвѣ, и въ ночь съ пятницы на субботу ему вдругъ послышались голоса, говорившіе, что онъ

скоро умереть. Онъ тотчасъ разбудилъ слугу и послалъ его за священникомъ, чтобы пособороваться, но, когда священникъ пришелъ, онъ нѣсколько успокоился и отложилъ совершеніе таинства до другого дня. Мысль о близкой смерти не оставляла его. Второй томъ «Мертвыхъ Душъ», его завѣтное произведеніе, былъ уже готовъ къ печати, и онъ хотѣлъ оставить его на память друзьямъ своимъ. Онъ позвалъ къ себѣ графа А. П. Толстого, въ домѣ котораго жилъ, просилъ его взять рукопись къ себѣ и послѣ его смерти отвезти ее къ одному духовному лицу, которое должно было рѣшить, что̀ изъ нея можно напечатать. Графъ Толстой не согласился взять бумаги, чтобы не показать больному, что друзья считаютъ положеніе его опаснымъ. Ночью, оставшись одинъ, Гоголь снова испыталъ тѣ ощущенія, которыя описывалъ въ своей «Перепискѣ съ друзьями». Душа его «замерла отъ ужаса при одномъ только представленіи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ; весь умирающій составъ его застоналъ, почуявъ исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся». Его произведеніе представилось ему, какъ представлялось часто и прежде, исполненіемъ долга, возложеннаго на него Создателемъ; его охватилъ страхъ, что долгъ этотъ выполненъ не такъ, какъ предначерталъ Творецъ, одарившій его талантомъ, что писанье его, вмѣсто пользы, вмѣсто приготовленія людей къ жизни вѣчной, окажетъ на нихъ дурное, растлѣвающее вліяніе. Долго со слезами молился онъ; потомъ въ три часа ночи разбудилъ слугу своего, велѣлъ ему открыть трубу въ каминѣ, отобралъ изъ портфеля бумаги, связалъ ихъ въ трубку и положилъ въ каминъ. Слуга бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ его не жечь бумагъ, чтобы не жалѣть потомъ, когда выздоровѣетъ. «Не твое дѣло»,—отвѣчалъ Гоголь и зажегъ бумаги. Углы тетрадей обгорѣли и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и самъ ворочалъ бумаги, крестясь и молясь, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Слуга плакалъ и говорилъ: «Что это вы сдѣлали!»

«—Тебѣ жаль меня?»—сказалъ Гоголь, обнялъ, поцѣловалъ его и самъ заплакалъ.

Онъ вернулся въ спальню, легъ на постель и продолжалъ горько плакать. На утро, когда свѣтъ дня разсѣялъ мрачныя картины, рисовавшіяся воображенію его ночью, ужасное аутодафе,

которому онъ подвергъ свое лучшее, любимое созданіе, представилось ему въ иномъ видѣ. Онъ съ раскаяніемъ разсказалъ о немъ графу Толстому, считалъ, что оно было сдѣлано подъ вліяніемъ злого духа, и жалѣлъ, что графъ не взялъ у него раньше рукописи.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ друзей или, когда они приходили, просилъ ихъ удалиться подъ предлогомъ, что хочетъ спать; онъ почти ничего не говорилъ, но часто писалъ дрожащею рукою тексты изъ Евангелія и краткія изреченія религіознаго содержанія. Отъ всякаго леченія онъ упорно отказывался, увѣряя, что никакія лекарства не помогутъ ему. Такъ прошла первая недѣля поста. Въ понедѣльникъ на второй духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться. Онъ съ радостью согласился на это, во время обряда молился со слезами, за Евангеліемъ держалъ слабой рукой свѣчу. Во вторникъ ему стало какъ будто легче, но въ среду у него сдѣлался страшный припадокъ нервной горячки, и въ четвергъ, 21-го февраля, онъ скончался.

Вѣсть о смерти Гоголя поразила всѣхъ его друзей, до послѣднихъ дней не вѣрившихъ его мрачнымъ предчувствіямъ. Тѣло его, какъ почетнаго члена московскаго университета, было перенесено въ университетскую церковь, гдѣ оставалось до похоронъ. На похоронахъ присутствовали: московскій генералъ-губернаторъ Закревскій, попечитель московскаго учебнаго округа Назимовъ, профессора, студенты университета и масса публики. Профессора вынесли гробъ изъ церкви, а студенты на рукахъ несли его до самаго Данилова монастыря, гдѣ онъ опущенъ въ землю рядомъ съ могилой поэта Языкова. На надгробномъ памятникѣ Гоголя вырѣзаны слова пророка Іереміи: «Горькимъ моимъ словамъ посмѣюся».

Умеръ великій писатель, а съ нимъ вмѣстѣ погибло и произведеніе, которое онъ создавалъ такъ долго, съ такою любовью. Было ли это произведеніе плодомъ вполнѣ развитого художническаго творчества или только воплощеніемъ въ образахъ тѣхъ идей, какія выражаются въ «Выбранныхъ мѣстахъ переписки съ друзьями»—это тайна, которую поэтъ унесъ съ собою въ могилу.

Найденныя въ бумагахъ его и изданныя послѣ его смерти отрывки принадлежатъ къ болѣе раннимъ редакціямъ поэмы и не даютъ понятія о томъ, какой видъ она приняла послѣ окончательной обработки автора.

Какъ мыслитель, какъ моралистъ, Гоголь стоялъ ниже передовыхъ людей своего времени, но онъ былъ съ раннихъ лѣтъ одушевленъ благороднымъ стремленіемъ приносить пользу обществу, живымъ сочувствіемъ къ человѣческимъ страданіямъ и находилъ для ихъ выраженія поэтическій языкъ, блестящій юморъ, живые образы. Въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ отдавался непосредственному влеченію творчества, его наблюдательность, его могучій талантъ глубоко проникали въ жизненныя явленія и своими ярко-правдивыми картинами человѣческой пошлости и низости содѣйствовали пробужденію общественнаго самосознанія.

Краткій словотолкователь.

Авантюристъ—искатель приключеній; пройдоха.

Авторитетъ—почетъ и вліяніе, которымъ пользуется всякая сила; лицо, мнѣнія котораго принимаются какъ бы на вѣру.

Адептъ—посвященный во что-либо.

Администрація — управленіе; совокупность лицъ, управляющихъ государствомъ, имѣніемъ, предпріятіемъ и пр.

Адъюнктъ—помощникъ профессора.

Аллегорія—иносказаніе, притча.

Альманахъ—ежегодно издаваемый сборникъ разныхъ статей.

Анатомированіе—вскрытіе и разсѣченіе мертвыхъ тѣлъ, съ цѣлью ихъ изслѣдованія.

Анатомія—наука о внутреннемъ строеніи живыхъ тѣлъ.

Апатическій—равнодушный, вялый, безстрастный, безучастный.

Аристократъ—человѣкъ, принадлежащій къ аристократіи, т. е. сословію знатныхъ, пользующемуся извѣстными привилегіями; въ переносномъ смыслѣ—баринъ, бѣлоручка.

Атмосфера — воздушная оболочка, окружающая земной шаръ.

Аутодафе - торжественное сожженіе еретиковъ по суду инквизиціи.

Баллада—стихотворное произведеніе, имѣющее своимъ предметомъ какое-нибудь народное преданіе.

Ботаника—наука о растеніяхъ.

Вулканъ—огнедышащая гора.

Галушки—малороссійское кушанье вродѣ клецокъ.

Гегелисты—послѣдователи философіи Гегеля

Гофмейстеръ — придворная должность 3-го класса. По положенію гофмейстеры должны наблюдать за придворн. чинами и служителями.

Гуманность—душевная мягкость, человѣчность.

Декламація—произношеніе стиховъ, рѣчей и т. п. съ соблюденіемъ условныхъ правилъ (повышеніе и пониженіе голоса, остановка на извѣстныхъ мѣстахъ и т. п.), имѣющихъ цѣлью выразительное воспроизведеніе смысла и характера читаемаго.

Дервишъ—магометанскій монахъ.

Дидактическій — наставительный; имѣющій характеръ поученія.

Дисциплина — строгое подчиненіе установленнымъ правиламъ, порядкамъ, власти.

Дормёзъ — помѣстительный дорожный экипажъ, въ которомъ можно съ удобствомъ спать.

Игнорировать — не обращать вниманія.

Индивидуальный — составляющій особенность какого-либо отдѣльнаго существа (индивидуума).

Иниціаторъ — человѣкъ почина.

Ипохондрія — хандра, болѣзненное, мрачное настроеніе

Карикатура — изображеніе (рисунокъ или скульптура), представляющее что-либо въ преувеличенно-смѣшномъ видѣ.

Колоритъ — характеръ окраски.

Коммиссія — временное собраніе лицъ, призываемыхъ по выбору или назначенію для обсужденія или рѣшенія какого-либо вопроса; порученіе.

Конституціонный — согласный съ конституціей, опредѣленный конституціей.

Контрафакція — печатаніе чужихъ произведеній (литературныхъ, музыкальныхъ или художественныхъ) безъ согласія тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ.

Корифеи — люди съ прочно установившейся репутаціей, какъ выдающіеся дѣятели на томъ или другомъ поприщѣ (корифеи живописи, литературы, адвокатуры и пр.).

Корреспондентъ — лицо, доставляющее извѣстіе въ газеты, частному лицу или учрежденію.

Кризисъ — переломъ, рѣзкій переворотъ къ лучшему или худшему.

Курортъ — мѣсто, куда пріѣзжаютъ больные для леченія и развлеченій.

Лекторъ — преподаватель.

Логика — наука, занимающаяся изслѣдованіемъ и опредѣленіемъ законовъ мышленія.

Мезонинъ — небольшая надстройка надъ верхнимъ этажемъ.

Меланхолія — печальное настроеніе.

Мистицизмъ — вѣра въ загадочное и сверхъестественное.

Монисты — послѣдователи монизма, ученія, признающаго лишь *одно* начало, изъ котораго произошелъ весь міръ физическихъ и духовныхъ явленій.

Моралистъ — человѣкъ, поучающій нравственности.

Нейтральный не оказывающій поддержки ни одной изъ враждующихъ между собой сторонъ.

Обскурантизмъ – мракобѣсіе.

Органъ — часть организма, предназначенная для опредѣленныхъ отправленій, напр. носъ — органъ обонянія, тычинки и пестикъ въ цвѣткѣ — органы размноженія и т. д. — Всякое періодическое изданіе, служащее извѣстнымъ цѣлямъ, партіямъ и отдѣльнымъ лицамъ.

Ореолъ — лучезарное сіяніе вокругъ головы святыхъ на иконахъ; въ переносномъ смыслѣ обаяніе, окружающее имя того или другого общественнаго дѣятеля.

Панегиристъ — восхваляющій что-либо или кого-либо.

Паническій страхъ — ничѣмъ необъяснимый, охватывающій внезапно безотчетный страхъ.

Педагогъ — воспитатель, наставникъ.

Піэтистъ — въ общемъ смыслѣ — человѣкъ, лицемѣрно-благочестивый; въ тѣсномъ смыслѣ — человѣкъ, имѣющій отношеніе къ *піэтизму*, религіозному ученію, основанному въ XVIII вѣкѣ Шпенеромъ, отрицающему всѣ церковные обряды и іерархію и признающему за каждымъ право учить и объяснять Писаніе по вдохновенію.

Полемика — споръ въ печати.

Претензія — притязаніе, жалоба, домогательство.

Приватный — частный, отдѣльный.

Принципіально — на основаніи принципа (основного начала, основного убѣжденія).

Прогрессъ — преуспѣяніе, движеніе впередъ, соединенное съ постепеннымъ улучшеніемъ.

Пропагандировать — распространять какія либо идеи (въ той или другой ихъ формѣ).

Протестъ—заявленіе (устное, письменное или печатное) противъ дѣйствій того или другого лица, учрежденія или правительства.

Процессія—торжественное шествіе, напр. крестный ходъ, проводы покойника и т. п.

Процессъ—совокупность естественныхъ измѣненій, приводящихъ къ извѣстному результату (напр. процессъ пищеваренія и др.), или намѣренныхъ дѣйствій, направленныхъ къ достиженію извѣстной цѣли, напр. процессъ приготовленія стали и т. п.; судебный процессъ.

Псевдонимъ—вымышленное имя или прозвище, которымъ подписываетъ свои произведенія авторъ, не желающій открывать своей настоящей фамиліи.

Психическій — касающійся душевныхъ явленій

Режимъ—тотъ или другой порядокъ въ управленіи государствомъ, образѣ въ жизни и пр.

Реформа—преобразованіе.

Рецензія—краткій критическій разборъ.

Риторика—наука краснорѣчія.

Сарказмъ—злая насмѣшка.

Сатира—литературное произведеніе, карающее пороки и слабости людей или недостатки общественнаго строя.

Синтезъ—обобщеніе частностей; составленіе цѣлаго изъ частей.

Скептическій—разъѣдаемый сомнѣніемъ.

Стилистическій — относящійся къ красотѣ слога.

Субсидія—денежная помощь.

Сюрпризъ—неожиданный подарокъ.

Теоретическій—основанный на умозаключеніи.

Типическій—характерный.

Транспарантъ—прозрачная картина на бумагѣ или стеклѣ; листъ, расчерченный толстыми линіями и подкладываемый подъ бумагу для возможно болѣе ровнаго письма.

Тріумвиратъ — троевластіе. Союзъ трехъ лицъ или трехъ государствъ.

Тушь—черная краска.

Фарсъ смѣшная выходка; небольшая театральная пьеса балаганнаго характера.

Фениксъ—баснословная птица, сжигавшая себя передъ смертью и возрождавшаяся изъ пепла.

Филантропическій — занимающійся благотворительностью.

Философія—въ общ. смыслѣ—всякая система общихъ выводовъ (въ противоположность познанію отдѣльныхъ фактовъ, напр. философія какой-нибудь науки, т. е. совокупность ея общихъ выводовъ); въ тѣсномъ смыслѣ слову „философія" придавались и придаются такія различныя значенія, что краткое опредѣленіе его невозможно.

Циничность — непристойность; неприличіе.

Шеллингисты—послѣдователи Шеллинга.

Экипировка—обзаведеніе платьемъ.

Экспромптъ — стихотвореніе, сочиненное безъ приготовленія и обдумыванія.

Экстренный—чрезвычайный, выходящій изъ ряда, не терпящій отлагательства.

Эпиграмма—острота или насмѣшка, выраженная въ формѣ коротенькаго стихотворенія.

Эпизодъ—происшествіе, случай, отдѣльное событіе.

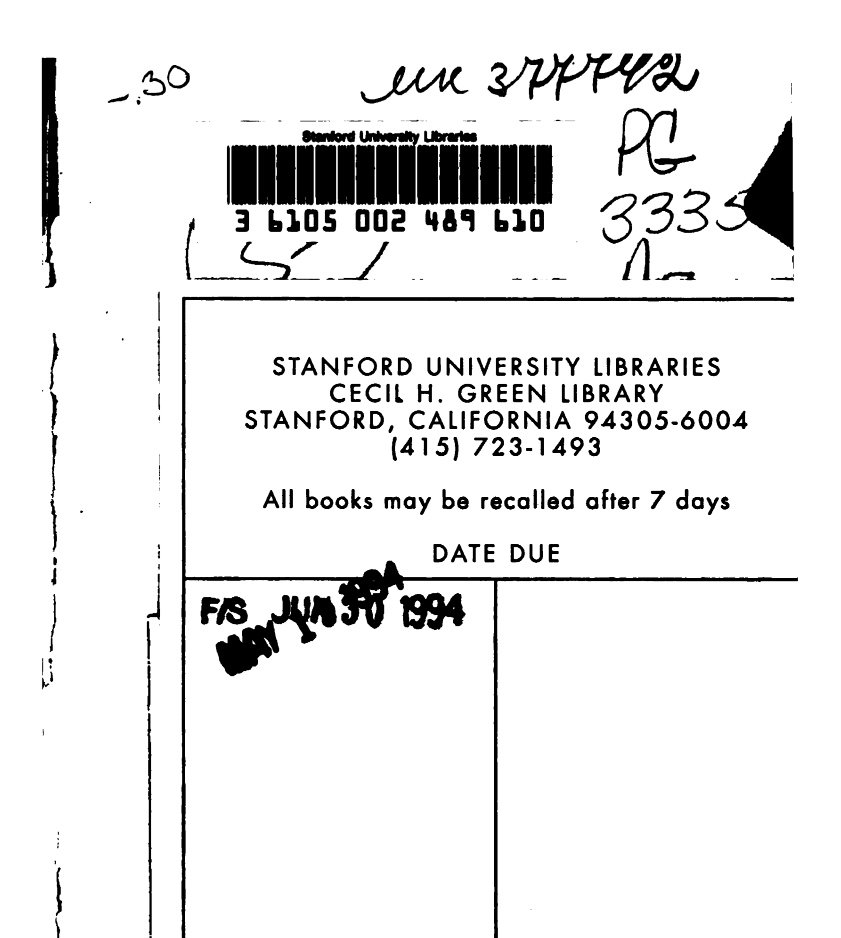
Эпитетъ—названіе, присоединяемое къ какому-либо лицу или предмету.

Эпоха—важное событіе, которое служило какъ бы началомъ новаго порядка вещей. (Эпоха открытія Америки, эпоха Возрожденія).

Эспаньолка — бородка, имѣющая видъ козлиной.

Эстетическій—изящный.

Ямбъ—стихотворный размѣръ, состоящій изъ короткаго (безъ ударенія) и долгаго (съ удареніемъ) слоговъ, напр. „друзья, досужный часъ насталъ".

Stanford University Libraries
3 6105 002 489 610

